

HARLEQUIN®

072

Маргерит Кэй

НЕЗНАКОМЦЫ
У АЛТАРЯ

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

Исторический роман – Harlequin

Маргерит Кэй

Незнакомцы у алтаря

«Центрполиграф»

2014

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

Кэй М.

Незнакомцы у алтаря / М. Кэй — «Центрполиграф»,
2014 — (Исторический роман – Harlequin)

ISBN 978-5-227-07462-1

После смерти мужа Эйнзли остались одни долги. А по завещанию отца молодая красивая вдова получит наследство в сорок лет. Проблемы с завещанием возникли и у Иннеса Драмонда. Он хорош собой и богат, но все же не хочет отказаться от родового замка с прилегающими землями. Однако по распоряжению отца Иннес получит наследство только в случае женитьбы, причем прожив в замке вместе с супругой не менее года. Жениться он по какой-то причине не хочет. Случайно узнав о проблемах Эйнзли, которая также не желает связывать себя, Драмонд предлагает ей фиктивный брак, заверив, что через год предоставит развод и достойное содержание...

УДК 821.111(73)-31

ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-227-07462-1

© Кэй М., 2014

© Центрполиграф, 2014

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	26
Глава 4	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Маргерит Кэй

Незнакомцы у алтаря

Strangers at the Altar

Copyright © 2014 by Marguerite Kaye

«Незнакомцы у алтаря»

© «Центрполиграф», 2017

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2017

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2017

Глава 1

«Дорогая мадам Гера!

Позавчера, когда я прогуливалась в окрестностях Каугейта, ко мне подошел молодой человек, который помог мне раскрыть зонтик. Поскольку он был вежлив и очень хорошо одет, а дождь лил как из ведра, мне показалось, что будет неучтиво не предложить ему разделить мое убежище. Он с готовностью согласился. Но оттого, что зонтик у меня маленький, мы оказались в несколько компрометирующей близости, чем этот джентльмен не замедлил воспользоваться. Он сорвал с моих губ поцелуй и сделал это еще несколько раз, пока мы прятались от ливня вблизи какого-то дома. К тому времени, как дождь кончился, мы с ним, если можно так выразиться, познакомились куда ближе, чем следовало.

Мы расстались, а я так и не узнала, как его зовут. Увы, этот молодой человек не только покусился на мою добродетель, он унес и зонтик, который мне подарил другой джентльмен. Он непременно начнет допрашивать меня с пристрастием, когда обнаружит потерю. Боюсь, он не поймет, почему так странно действует на женскую силу воли сочетание дождя, симпатичного молодого человека и очень маленького зонтика. Что мне делать?»

Эдинбургу июнь 1840 г.

– Мне очень жаль, миссис Макбрейн, но ничего не поделаешь. И в завещании вашего отца, и в законе все указано совершенно недвусмысленно. Здесь не может быть никаких сомнений, хотя, если вы непременно желаете выслушать чье-нибудь еще мнение... похоже, мой компаньон только что освободился.

– Мистер Томсон, вы и есть «еще чье-нибудь мнение», – презрительно ответила женщина. – Я не стану тратить деньги, которых у меня нет, благодаря транжире-мужу и отцу, передавшему деньги в доверительную собственность или траст... Уверена, что от вашего компаньона я не услышу ничего нового. Законы пишут мужчины для мужчин, и распоряжаются всем тоже мужчины. И вот что я вам скажу, мистер Томсон: будь прокляты ваши законы! Они вынуждают меня зарабатывать на жизнь любым способом. Боюсь, мне придется заняться древнейшей профессией в трущобах Каугейта! Всего доброго!

– Миссис Макбрейн! Мадам, вынужден просить вас... – с ошеломленным видом начал Томсон.

Его клиентка тряхнула головой и стремительно покинула кабинет. В приемной Иннес Драммонд, только что завершивший столь же неудовлетворительную беседу с компаньоном Томсона, с восхищением наблюдал за эффектным выходом дамы. Она хлопнула дверью с такой силой, что стеклянная панель, на которой были выгравированы фамилии «Томсон и Баллард», жалобно задребезжала. Затем Иннес услышал, как ее каблучки застучали по ступеням крыльца, выходящего на Парламент-сквер.

Ей так же, как и ему, не терпелось покинуть контору. Захлопнув дверь с не меньшей силой, чем его предшественница, Иннес вдруг подумал: похоже, он и эта дама стали жертвами одних и тех же обстоятельств. Очень странно!

Спустившись по лестнице, он распахнул тяжелую деревянную входную дверь и чуть не сбил с ног ту, о ком только что подумал.

– О, простите! – воскликнул он.

– Нет-нет, это я виновата.

Она шагнула в сторону, и Иннес заметил, что на ее ресницах блестят слезы. Задетая тем, что он это заметил, незнакомка смахнула слезы рукой в перчатке и, отвернувшись, прошла мимо него.

– Погодите! – Сразу сообразив, что ждать она не станет, Иннес схватил ее за руку. – Мадам, вы расстроены.

Вырываясь, она наградила его испепеляющим взглядом:

– Я не расстроена. Хотя это вас совершенно не касается, я абсолютно не расстроена. Я...

– Вы в ярости, – с кривой улыбкой закончил за нее Иннес. – Прекрасно понимаю, что вы сейчас чувствуете.

– Сомневаюсь!

Глаза у нее были светло-карие, широко расставленные, окаймленные очень длинными ресницами. Пожалуй, ее нельзя было назвать хорошенькой и она явно не относилась к тем мягким, податливым особам женского пола с губками, похожими на бутон розы, и кротким взглядом, но его сразу потянуло к ней.

Она скептически хмыкнула и сдвинула брови, отчего на лбу появилась складка. Иннес отметил, что миссис Макбрейн не юная барышня – на вид ей можно было дать лет двадцать восемь. Ее глаза выдавали живой ум и некоторый цинизм. А губы... ее губы были пухлыми, нежными и чувственными. Иннес сам себе удивился, когда вдруг понял, что внимательно разглядывает стройную фигуру женщины в элегантном серо-оливковом пальто. Он еще больше удивился, сообразив, что ему хочется узнать, как она выглядит без одежды.

– Иннес Драммонд, – представился он. Во-первых, молчать дольше было неприлично, а во-вторых, ему не хотелось, чтобы она просто ушла. Его собеседница надменно подняла брови, отчего-то сразу став моложе. – Я, так же как и вы, жертва закона, родного отца и трастового фонда, – продолжал он. – Правда, в отличие от вас, я не обременен женой-транжирой, ни какой-либо другой...

– Вы подслушивали мой разговор с мистером Томсоном!

– Я должен был притвориться, будто ничего не слышал? Вы говорили так громко, что это было довольно затруднительно.

Она только хмыкнула:

– Не сомневаюсь, мистеру Томсону мои слова совсем не понравились и тон тоже! Дьявол бы побрал этих юристов вместе с их законами! Как видите, я умею не только кричать, но и ругаться, хотя уверяю вас, обычно не делаю ни того ни другого.

Иннес рассмеялся:

– А знаете, я в самом деле понимаю, что вы сейчас чувствуете.

Она криво улыбнулась:

– Мистер Драммонд, вы мужчина, поэтому не можете меня понять. А теперь... вы позволите мне пройти?

– Куда вы? – спросил он, не успев подумать. Ему хотелось лишь одного – удержать ее.

Женщина снова подняла брови, на сей раз еще более возмущенно.

– Я лишь хотел предложить, если у вас нет срочных дел... Но вас, наверное, ждет муж?

– Мой муж умер, мистер Драммонд, и хотя после похорон у меня почти ничего не осталось, я все равно не слишком горюю.

– А вы всегда говорите прямо, без обиняков, миссис Макбрейн?

Иннес старался не показывать, насколько потрясла его ее черствость. Его собеседница, впрочем, не обиделась и не улыбнулась, а лишь слегка побледнела.

– Я говорю то, что думаю. И пусть мое мнение кому-то неприятно, по крайней мере, я не притворяюсь, делая вид, что у меня вовсе нет никакого мнения.

Несомненно, подумал Иннес, за ее словами кроется горький опыт... Его любопытство разгоралось.

– Если вы не спешите, приглашаю вас выпить по стаканчику. Разумеется, я ни в коей мере не имею в виду ничего неприличного, – поспешил добавить он. – Мне только показалось, что неплохо будет, так сказать, расслабиться... выпустить пар в обществе родственной души... – Заметив ее ошеломленное лицо, он покачал головой. – Нет так нет! Простите, у меня был ужасный день, вернее, ужасные несколько недель, но мне все равно не следовало обращаться к вам с таким предложением.

Он дотронулся до шляпы, но она снова удивила его, на сей раз едва заметно улыбнувшись.

– Что там недели, у меня было несколько ужасных месяцев... Нет, лучше сказать – лет. Единственная причина, по которой я еще не запила, заключается в том, что, как я подозреваю, у меня есть все задатки горькой пьяницы...

– Миссис Макбрейн, подозреваю, у вас прекрасные задатки во всем, за что бы вы ни взялись. Вы производите впечатление весьма решительной особы.

– В самом деле? Сейчас – да, наверное, хотя какая разница? Как бы мне ни хотелось выбраться из переплета, в который я попала, решения не вижу.

– Кроме того, чтобы зарабатывать себе на хлеб на панели? Очень надеюсь, что до этого все же не дойдет.

Она смерила его взглядом, который можно было назвать только вызывающим:

– А что? По-вашему, я не сумею заработать себе на пропитание?

– Скажите на милость, что вам вообще известно о таких источниках заработка? – спросил Иннес, с трудом удерживаясь от улыбки.

– О, у меня имеются свои источники. Кроме того, у меня есть зонтик, – добавила она, вызвав его замешательство. Хотя говорила она с чопорным видом, в глазах у нее плясали чертики, а ее улыбка затронула самые потаенные струны его души.

– Вы поразительная женщина, миссис Макбрейн, – сказал Иннес. – Вы мне не верите?

– Понятия не имею, стоит верить вам или нет, хотя сейчас мне, откровенно говоря, все равно. Вы меня рассмешили; после того, что наговорил мне Томсон, я не думала, что еще могу смеяться. – Ее улыбка стала мягкой, сочувственной. – Похоже, в деньгах нуждаюсь не только я... Почему бы и нет? Дома меня никто не ждет, кроме кредиторов и, скорее всего, судебных приставов. Угостите меня, мистер Драммонд, и мы пожалуемся друг другу на свои невзгоды, хотя предупреждаю заранее: мои беды намного перевешивают ваши.

Эйнзли Макбрейн не могла понять, что на нее нашло. Пока они шли от Парламент-сквер по Северному мосту, у нее было достаточно времени, чтобы подумать и ответить отказом на приглашение едва знакомого мужчины, но она этого не сделала. И вот Эйнзли сидит в уединенном уголке кофейни отеля «Ватерлоо» и слушает, как ее новый знакомый уговаривает официанта принести им что-нибудь покрепче чая.

Пальто и шляпку она оставила в гардеробе; ее верхняя одежда промокла от мелкого дождя, точнее, даже не дождя, а мороси, типичной для Эдинбурга. Волосы, которые ей всегда с трудом удавалось уложить, сегодня она небрежно скрутила в пучок на затылке; скорее всего, из него выбились пряди. В хорошие дни Эйнзли внушала себе, что волосы у нее каштановые, но сейчас ее волосы можно было назвать темно-русыми или даже мышьиными, тусклыми, как ее настроение.

Хорошо, что она надела одно из лучших своих платьев. Темно-синее, в серебристо-серый цветочек, с длинной юбкой и узким лифом, длинными, узкими рукавами и шалевым воротником. Узкий пояс подчеркивал ее стройную талию; перекрестная плиссировка на шее образовывала довольно низкий вырез, открывающий грудь. Такое платье следовало носить с белой блузкой, но сегодня Эйнзли не хотелось выглядеть скромно. Правда, она не собиралась снимать пальто. Теперь она смущенно придерживала ворот, чтобы не выглядеть вызывающе.

Выбегая из конторы поверенных, она злилась, хотя, по правде говоря, какой смысл злиться? Просто она надеялась до последнего момента, и, как выяснилось, зря. Она страшно злилась на себя. Вот откуда эти слезы. Глупые слезы! Если бы мистер Иннес Драммонд не увидел ее слез, он бы, скорее всего, пошел своей дорогой, и она бы здесь не сидела. И была бы дома. Одна. Или в обществе очередного судебного пристава. Кстати, и дом останется ее домом совсем недолго. Так что... не все ли равно?

Она совсем не знает мистера Драммонда, который предложил угостить ее спиртным – совсем как одну из тех падших женщин, ряды которых она, по ее словам, собиралась пополнить.

Впрочем, учитывая ее положение, такая перспектива тоже не казалась чем-то невероятным. Правда, Эйнзли несколько не сомневалась в том, что к такого рода ремеслу у нее нет таланта. Более того, если судить по покойному мужу, она не умеет даже заинтересовать мужчину и заставить его платить...

Эйнзли вздохнула. Она терпеть не могла жалеть себя.

Еще раз дернув платье за ворот, она заставила себя успокоиться. Мистер Драммонд по-прежнему беседовал с официантом, и она воспользовалась случаем, чтобы получше рассмотреть его. Его блестящие черные волосы были подстрижены очень коротко, вопреки моде. Несомненно, красивый мужчина. Гладко выбрит, без бакенбардов, которые так любят джентльмены. Высокий лоб свидетельствовал об уме, а лучики в углах глаз и складки у рта говорили об опыте. На вид ему лет тридцать пять, значит, он лет на пять старше ее. Уверен в себе и хорошо одет – темное пальто, брюки, безупречно белая рубашка. Судя по внешнему виду, он человек обеспеченный... Хотя, глядя на Джона, тоже можно было подумать, что деньги у него водятся. Правда, ее мужа никогда не волновали деньги, точнее, их отсутствие. Нет, не так. Его мрачное молчание было куда красноречивее слов. А в последнее время, когда она предьявляла ему претензии, он приобрел привычку бесследно исчезать.

Эйнзли снова вздохнула, злясь на себя. Сколько можно вспоминать Джона! Закончив разговор с официантом, Иннес Драммонд поднял голову и улыбнулся ей. Глядя в его синие глаза под темными густыми бровями, Эйнзли вдруг почувствовала зов основного инстинкта. Влечение. У нее все задрожало внутри, сердце забилось чаще, во рту пересохло. Он так улыбался и так заговорщически смотрел на нее, как будто они – давние приятели. Его взгляд и улыбка заставили ее забыть о своих бедах. Неожиданно Эйнзли подумала, что она не только вдова без гроша с такими огромными долгами, что и подсчитать их не в состоянии, но еще и женщина, которую уже давно не обнимал мужчина... Когда Иннес Драммонд подошел к столику и сел напротив, ей пришлось в голову, что такой, как он, наверняка знает, как нужно обнимать женщину.

– Ну, вы первая!

Эйнзли удивленно посмотрела на него. Неужели по ней все так заметно?

– Что, прошу прощения?

– Рассказывайте о ваших бедах, миссис Макбрейн. Вы расскажете мне о ваших неприятностях, я расскажу вам о моих. А потом мы решим, кому из нас хуже, – заявил он и вытянул свои длинные ноги до самой перегородки, разделявшей стол на две половины. Стройные ноги и сильные, судя по всему. И очень широкие плечи. «Хорошо сложен»... да, наверное, так говорят про таких, как он. У него фигура атлета. И еще... его лицо и руки покрыты загаром, как будто он много времени проводит на свежем воздухе.

– Чем вы занимаетесь? – спросила она. – То есть... вы живете здесь, в Эдинбурге? Выговор у вас довольно забавный, только я не могу понять какой.

Не обидевшись и не указав ей, что она уклоняется от темы, Драммонд пожал плечами:

– Я родом с Шотландского нагорья, из Аргайла на западном побережье, хотя на протяжении почти всей взрослой жизни жил в Англии. А по профессии я инженер-строитель, миссис Макбрейн.

– Вы практик.

– Значит, одобряете? – улыбнулся он.

– Да. Хотя какое мне дело... да, одобряю. – Она улыбнулась в ответ. – И что же вы строите?

– Железнодорожные пути. Туннели. Каналы. Мосты и акведуки. Благодаря паровозам на все эти конструкции сейчас большой спрос. Правда, сам я их не строю, я их создаю. И все-таки... Заниматься практическим делом очень интересно, миссис Макбрейн. Под моим началом работает много людей; они занимаются физическим трудом, а я сейчас почти все время провожу на заседаниях совета директоров, хотя мне по-прежнему нравится считать себя инженером.

– И, судя по всему, весьма преуспевающим. Вот не подумала бы, что деньги для вас такая проблема.

Иннес смерил ее загадочным взглядом, а затем налил им обоим виски из графина, принесенного официантом.

– Ваше здоровье! – Он чокнулся с ней.

– Ваше здоровье! – Эйнзли отпила глоток. Янтарная жидкость с ароматом торфа и дыма приятно согревала. Она отпила еще.

– Судя по вашим словам, для вас деньги – проблема, – сказал Иннес Драммонд.

Эйнзли кивнула. Он ждал, наблюдая за ней и вертя бокал в руке. В браке она научилась многому, и, среди прочего, держать при себе свои мысли. И свои тайны. Ей стало стыдно при мысли о том, сколько она совершила ошибок из-за своего доверчивого, робкого характера. Она никому не рассказывала подробностей, даже Фелисити, а ведь Фелисити ее лучшая подруга. Но что страшного, если она доверится незнакомцу? Что бы ни привело его в Эдинбург, вряд ли он задержится здесь надолго. Если же он все-таки ее осудит, ей не будет так уж больно. В конце концов, она его совсем не знает. А может быть, если она вслух расскажет о своих бедах, ей станет легче и она поймет, как найти выход.

Взгляд Эйнзли упал на обручальное кольцо. Она поспешно спрятала левую руку в складках платья.

– Да, деньги, – начала она, – все сводится к деньгам, и хотя я твержу себе, что жизнь обошлась со мной несправедливо, ведь я сама не транжира, но в глубине души понимаю, что виновата не меньше, чем он. – Она отпила еще глоток. – Храбрость во хмелю! – Допив виски до конца, она поставила бокал на стол и глубоко вздохнула.

Иннес гадал, что сейчас последует. Может, лучше прервать поток ее излияний? Нет, он сразу же отверг эту мысль. Она набирается храбрости – значит, ей нужно выговориться. Она заинтересовала его; кроме того, неплохо сосредоточиться на чужих бедах вместо того, чтобы постоянно думать о своих. Он осторожно отпил виски и стал ждать.

– Мне придется вернуться немного назад, – продолжала Эйнзли. – Вы точно хотите послушать?

Он кивнул, и она улыбнулась с видом: «Ну что ж, сами напросились».

– Итак... Когда я встретила моего будущего мужа, Джона Макбрейна, мне было двадцать. Мы познакомились почти десять лет назад. Он выглядел совершенным джентльменом: почтенный, красивый, представительный, общительный. – Она загибала пальцы, перечисляя свойства мужа. – А еще он обладал тем, что называют обаянием, и совершенно меня очаровал. Мы с ним встретились на приеме в «Эссембли Румз». Он был знакомым знакомого. Производил впечатление состоятельного человека. Через полгода он сделал мне предложение, и я очень обрадовалась. Я влюбилась в него и была на седьмом небе от счастья... – Снова улыбка, только

на сей раз горькая. – Джон отправился к отцу просить моей руки. Отец спросил, уверена ли я в своих чувствах. Он сказал, что никакой спешки нет, а если я вдруг передумаю... но я не могла передумать! Мне казалось, что папа, как всегда, осторожничает, только и всего. И позже он был с Джоном вежливым, ни разу не сказал мне ни одного дурного слова о нем, и... но я забегая вперед.

– Хотите еще? – спросил Иннес, придвигая к себе графин. Миссис Макбрейн покачала головой, и он с трудом удержался, чтобы не налить себе еще. – Продолжайте.

– Мы были счастливы. Сейчас трудно представить, но год или около того мы были счастливы. Потом начали приходить счета. Когда я показывала их Джону, он просил меня не беспокоиться. И все же я беспокоилась, а когда наконец занялась подсчетами, оказалось, что мы должны чудовищную сумму. Узнав, что мне все известно, муж пришел в ярость; он уверял меня, что долги – временное затруднение... ах, чего он только мне не говорил! Сначала я верила ему, потому что хотела верить. До тех пор я ни разу не поинтересовалась источниками его дохода, мне казалось, что отец... вот видите, я опять пытаюсь переложить вину на других, хотя виновата во всем сама. Надо было обо всем расспросить его с самого начала. Надо было сразу озаботиться долгами, но к тому времени, как я взяла дело в свои руки, было уже поздно.

– Хотите сказать, что к тому времени долги вашего мужа стали огромными?

– Нет. К тому времени уже поздно было убеждать мужа в том, что его долги касаются не только его, но и меня, – сухо ответила миссис Макбрейн. – Наверное, я выпью еще, если вы не возражаете.

Несмотря на виски, она была бледна, губы сжаты, глаза смотрели куда-то внутрь себя. Заметив, что у нее дрожат руки, она поставила бокал на стол. Хотя ее историю нельзя было назвать оригинальной, она трогала Иннеса до глубины души. Он сам не понимал, в чем тут дело.

– Так и знала, что вы не поймете, – вдруг заметила его собеседница. Ее слова застали его врасплох: она как будто прочитала его мысли. Он не стал ничего отрицать.

– Тогда объясните, – попросил он.

– Представьте, что бы чувствовали вы, если бы вашей компанией стал заправлять кто-то другой. Как бы вы отнеслись к тому, что захватчики принимают решения помимо вас, не советуясь с вами. Заметьте, последствия их решений имели для вас большое значение, но вас лишили права голоса! А теперь представьте, что сначала вы вообще не понимали, что происходит. А когда поняли и обвинили во всем захватчиков, вам ответили: они делают только то, что от них ожидалось. Потом они перешли в наступление и объявили, что вы вообще не имели права их обвинять. И замкнулись в себе. Вы как деловой человек способны защитить себя. Вы можете, например, подать в суд на захватчиков, которые вас обманывали. Я же была всего лишь женой обманщика... – Миссис Макбрейн развела руками и снова горько улыбнулась. – Жене остается только одно: с трудом сводить концы с концами, страдать, устраивать скандалы... или замолчать и смириться. Как его жена я не в состоянии была ничего изменить.

Иннесу стало не по себе. Он много лет назад решил не жениться и никогда не размышлял о несправедливости закона в отношении брачных обязательств. История миссис Макбрейн была ужасна, а еще ужаснее – холодность, почти безмятежность, с какой она рассказывала о своей жизни. Почти безмятежность – потому что он готов был биться об заклад, что рука, спрятанная в складках платья, сжата в кулак, а в светло-карих глазах таится не только гнев, но и боль. Ему стало обидно за нее, хотя он понимал, что с точки зрения общества ее муж не совершил ничего предосудительного. Более того, общество склонно вставать на сторону таких, как Джон Макбрейн. Принято, чтобы всеми делами занимался муж, а жене положено, как выразилась миссис Макбрейн, «молчать и мириться» со своим положением.

Иннес поставил бокал на стол и взволнованно провел рукой по волосам.

– Вы правы, окажись я в таком положении... я бы не вытерпел!

– А я терпела, – с горечью ответила его новая знакомая. – А вот теперь спрашиваю себя, могло ли все сложиться иначе, если бы я не стала терпеть! Я думала о том, чтобы уйти от него, но у меня не было собственных средств, а обращаться к отцу за помощью не хотела. Эдинбург, возможно, и считается большим городом, но по сути это – настоящая деревня. Мой уход от мужа вызвал бы скандал. И потом, я... мне было стыдно. – Она бросила на него беглый взгляд. – Мне казалось, если бы я вела себя по-другому, может, сумела бы изменить мужа... Не сразу мне стало ясно: Джон и не думал меняться, меняться должна была я.

Под конец на ее губах заиграла едва заметная довольная улыбка, и Иннес невольно задумался, как же она изменилась и какое действие перемены в ней оказали на ее транжиру-мужа, но, прежде чем он успел спросить, ее улыбка увяла. Она отпила еще виски. Ее рука уже не дрожала.

– Я не ушла от мужа, но наши отношения безнадежно испортились. Джон пускался во всевозможные аферы, в результате которых терял деньги, а я... у меня появились свои интересы. Новое дело отвлекало меня, и я чувствовала себя не такой бесполезной. Правда, теперь я понимаю, что тогда просто прятала голову в песок. А потом умер отец, и его завещание нанесло смертельный удар по нашей семейной жизни.

– Трастовый фонд?

Она кивнула:

– Позже я узнала, что Джон уже просил у моего отца денег. Ни один из них не счел нужным поставить меня в известность об их разговоре. – Глаза у нее гневно сверкнули. – И даже родной отец! Я думала, он мне доверял. Я думала... Но я ошибалась. Очевидно, он тоже считал, что деньгами должен распоряжаться глава семьи... – Пламя в ее глазах погасло так же быстро, как загорелось. – Короче говоря, отец изменил завещание; все мое наследство находится в доверительной собственности в пользу моего первенца. Спасибо отцу хотя бы за то, что он не оговорил пол ребенка, хотя какая разница, ведь детей у меня нет. Когда Джон все узнал, он... – Голос ее дрогнул, но она быстро взяла себя в руки. – Он пришел в ярость. Хотел забрать деньги из фонда... Он требовал, чтобы я придумала, как изъять деньги, воспользовалась какой-нибудь лазейкой в законе и пошла против воли отца. Согласитесь, такие требования не слишком способствуют супружеской гармонии. Правда, к тому времени от нее и так почти ничего не осталось. Наконец он понял, что я не пойду ему навстречу. Мне терять было уже нечего; мое приданое он растратил. К счастью, отец обо всем позаботился. Деньги, которые находятся в доверительном управлении, невозможно пустить на уплату долгов. А потом мой муж умер, – мрачно продолжала она. Судя по всему, любовь, которую она испытывала к человеку, за которого выходила замуж, давно прошла.

– Отчего он умер? – спросил Иннес, которому в голову вдруг пришла ужасная мысль: уж не собирается ли его новая знакомая признаться в том, что убила его? В каком-то смысле он бы ее понял.

– От плеврита, – ответила она. – Его нашли в Каугейте; он валялся в луже мертвецки пьяный и простудился. Одному Богу известно, сколько он там пролежал и где был до того. Дома он не показывался три дня.

Может быть, именно это она имела в виду, намекнув, что ей известно больше, чем можно было ожидать от порядочной женщины, о тех, кто занимается древнейшим ремеслом в трущобах? Очень хотелось спросить, но он боялся ее отвлекать. Несмотря на печальный рассказ, держалась она уверенно, и он невольно восхищался ею.

– Насколько я понимаю, муж оставил вас без гроша? – спросил Иннес.

– Он не оставил мне ничего, кроме долгов. Я даже так называемой «вдовьей доли» не получила; он все вложил в акции, которые сейчас ничего не стоят. Наш дом заложен; срок выплаты через месяц, прошел год после его смерти, а отец все так хорошо продумал, что, как сегодня подтвердил мистер Томсон, я не смогу забрать наследство, даже если меня признают

банкротом. Но, знаете, меня волнуют не только деньги. Больше всего я возмущена тем, что меня держали в неведении – не только муж, но и отец. Точнее, я позволяла держать себя в неведении! – Большим и указательным пальцами миссис Макбрейн показала расстояние примерно в дюйм. – Вот сколько права голоса мне оставили в собственной жизни!

– Ваш отец наверняка заботился о вас, хотел оградить вас от трудностей...

– Потому что я всего лишь слабая женщина, не способная думать головой? – отрезала она. – Невольно задумаешься, сколько еще сотен и тысяч нас, бедняжек, вот так и живут с повязкой на глазах.

– По-вашему, существует настоящий заговор.

– Да, потому что все именно так и выглядит, и даже мадам Ге...

– Какая мадам Ге?

– Не важно. – Миссис Макбрейн тряхнула головой, повертела в руке бокал и поставила на место, не пригубив. – Прошу прощения. Не собиралась так бурно реагировать. Как говорится, где постелила, там и спи. Хотя нет, кровать мне тоже придется продать. – Она принужденно улыбнулась. – Как и во всех сказках с плохим концом, в моей – есть мораль, вернее, вывод. Что бы ни случилось, я больше не позволю никому ничего за меня решать. Как бы там ни было, а я стану хозяйкой своей судьбы. Ну что ж, по-моему, хватит. Теперь ваша очередь.

У него в голове теснились сотни вопросов, но она скрестила руки на груди и плотно сжала губы, изобразив, что внимательно слушает. Иннеса, однако, она не обманула. Глаза у нее слишком ярко блестели, пальцы были слишком крепко сжаты. Она была сильно измучена. Женщина более слабая сейчас заплакала бы или отдалась на милость какому-нибудь мужчине. Он не мог себе представить, чтобы так поступила миссис Макбрейн. Ему захотелось подбодрить ее. Конечно, можно предложить ей денег, но он понимал, что для нее это будет унижительно. Кроме того, она оскорбится, решив, что разжалобила его своей историей. Не хватало еще, чтобы она чувствовала себя обязанной ему. Ведь она хотела свободы. То, что с ней произошло, поражало своей несправедливостью, но он не столько жалел ее, сколько... чувствовал в ней родственную душу.

– Мои слова вас так позабавили? Почему вы улыбаетесь?

– Ваше положение, миссис Макбрейн, затронуло во мне много струн.

– Не понимаю почему. Я вас не знаю, но вы признались, что всего в жизни добились сами. Мужчины вроде вас ни за что не потерпят вмешательства в их жизнь.

– К сожалению, дело обстоит не совсем так. Я прекрасно знаю, что чувствует человек, которого заставляют жить по чужим правилам, которым управляют и лишают права голоса.

Он обрадовался, увидев, что вызвал ее интерес.

– Что вы имеете в виду? – спросила она.

– Разве я не сказал в самом начале, что мы оба стали жертвами отцов и трастовых фондов? – ответил Иннес. – Странное совпадение, но, пока вы консультировались с Томсоном относительно некоторых щекотливых пунктов в завещании вашего отца, я консультировался с Баллардом о том же самом. Я тоже стал жертвой трастового фонда, только мой отец хотел не оградить меня от трудностей, а призвать «к ноге». Кроме того, в отличие от вас, я все же могу получить наследство, хотя и на весьма специфических условиях.

– На каких условиях, мистер Драммонд?

Иннес едва заметно улыбнулся:

– Наследство, миссис Макбрейн, я получу лишь в том случае, если женюсь. А к браку, смею вас заверить, я питаю не меньшее отвращение, чем вы.

Глава 2

Эйнзли ошеломленно смотрела на него.

– По завещанию вашего отца наследство переходит к вам только в том случае, если вы женитесь?

– Мой отец специально отдал фамильные земли в доверительное управление. Они не перейдут ко мне до тех пор, пока я не женюсь, – ответил Иннес.

– Фамильные земли?! – Ей с трудом удалось не ахнуть от изумления. – То есть... недвижимое имущество? Загородная усадьба?

– Не только. Точно не знаю, какова площадь имения, но на нашей земле около двадцати ферм. Кроме того, есть замок и парк...

– Боже правый, мистер Драммонд... замок! И... около двадцати ферм! Может быть, у вас и титул имеется?

Он покачал головой:

– Моего отца называли лэрдом¹ Строун-Бридж, но он был нетитулованным землевладельцем.

Слово «лэрд» вызвало в воображении Эйнзли образ необузданного горца-патриарха. Она во все глаза смотрела на безупречно одетого джентльмена, сидевшего напротив, и вдруг легко представила его в килте, с палашом. Хотя и без традиционной бороды. Ей не нравились бороды.

– Говорите, ваши владения в Аргайле?

Он кивнул, и Эйнзли озадаченно нахмурилась.

– Простите, мистер Драммонд, но разве вы не говорили, что провели почти всю жизнь в Англии? Неужели вы, наследник такого солидного имущества... учтите, я в таких вещах совершенно не разбираюсь... просто мне казалось, что наследникам полагается жить на своих землях?

– Я не был наследником, – сурово ответил Иннес.

– Вот как?

Эйнзли ждала; ей не хотелось торопить его, потому что вид у него сделался довольно угрожающим. Иннес Драммонд отпил виски и поморщился.

– Храбрость во хмелю, – с мрачной улыбкой заметил он, повторив ее слова. – У меня был брат Малколм. Наследником считался он. Все как вы сказали, он жил на своих землях. Точнее, не просто жил – он дышал своей землей, потому что любил родной край. Строун-Бридж для него был дороже всего на свете... – Он опустил голову. Эйнзли заметила, как углубились складки в углах его рта.

– Для него – но не для вас? – тихо спросила она.

– На меня никто не рассчитывал. Я был всего лишь вторым сыном, так сказать, запасным игроком. При жизни Малколма отец меня почти не замечал, миссис Макбрейн. – Он снова опустил голову. Лицо у него стало таким безрадостным, что она невольно подалась вперед и сжала его руку:

– Зовите меня Эйнзли.

– Ни разу не встречал женщину, которую бы так звали.

– Старое семейное имя.

Он улыбнулся; их пальцы сплелись.

– Тогда и вы зовите меня Инне с, – сказал он. – Оно также старое и семейное, хотя наследникам его обычно не давали. Кое от чего я все же был избавлен. В завещании отец не потребовал, чтобы я изменил имя на Малколм. Наверное, даже он понимал, что это слишком.

¹ Л э р д (землевладелец, лорд) – представитель нетитулованного дворянства в Шотландии. (Примеч. ред.)

Правда, возможно, он просто считал, что я так же недостоин имени, как и земля. – От злых ноток в его голосе Эйнзли поежилась.

– Вы говорите так, словно ненавидите его.

– У нас, скорее, все было наоборот, – процедил он.

Эйнзли невольно вздрогнула. Сколько боли таится за его словами! Иннес быстро взял себя в руки, очевидно пожалев о том, что выдал себя.

– Мы с ним не ладили, – более сдержанно продолжал он. – Я не желал мириться с отведенной мне ролью. Когда я наконец решил идти своей дорогой, мы поссорились.

Эйнзли без труда представила себе разрыв отца с сыном. Иннес производил впечатление человека с сильной волей, современного и независимого. В новом индустриальном мире он был обречен на процветание. Интересно, какие именно причины привели к их разрыву. Но, как бы ей ни было любопытно, она не хотела еще больше его распалать.

– Расскажите о завещании вашего отца, – попросила Эйнзли. – Почему вы должны жениться и что будет, если вы останетесь холостяком?

Иннес посмотрел на ее руку; Эйнзли быстро отдернула ее. Его глаза были еще темными от боли.

– Почему? По-моему, все очевидно. Усадьба Строун-Бридж передается по прямой линии с тех пор, как ведутся письменные записи, а я – последний в роду. Отец хотел наследника.

– Зачем же вам непременно жениться? По-моему, желание вашего отца... как бы помягче выразиться... довольно странное.

– Мы, Драммонды, на протяжении многих поколений славимся своей плодовитостью. Несомненно, отец имел в виду, что даже такой нежеланный сын, как я, в основной задаче не подкачает, – хмыкнул Иннес.

– Вы не хотите иметь детей?

– Я не хочу жениться, а по моим представлениям, первое должно обязательно предшествовать второму.

На сей раз любопытство победило осторожность Эйнзли.

– Почему вы так настроены против брака? – спросила Эйнзли. – Вы не кажетесь мне женоненавистником.

– Вы тоже не производите впечатления мужененавистницы, однако не хотите повторно выйти замуж.

– Как говорится, обжегшись на молоке...

– Ну а я не собираюсь обжигаться на молоке, – парировал Иннес, – мне в жизни, кроме меня, никто не нужен. И меньше всего мне хочется полагаться на другую особу и надеяться, что она составит мое счастье.

Говорил он пылко и убежденно. Видимо, за его словами скрывался горький опыт. Как и за ее собственными.

– Значит, завещание вашего отца поставило вас в невозможное положение, – заключила Эйнзли.

– Как и вас – вашего, – сухо ответил Иннес. – Что случится с вашим наследством, если у вас не будет детей?

– Я смогу получить его, когда мне исполнится сорок лет, и я, скорее всего, постригусь в монахини. – Эйнзли не скрывала горечи. Отца она любила, но ей трудно было смириться с его бездумным приговором. – Но чтобы дожить до этого счастливого дня, ближайшие десять лет мне придется избегать кредиторов мужа. Надо подумать, как выжить без крыши над головой и без куска хлеба, потому что выходить еще раз замуж я не собираюсь.

– И насколько я понимаю, рожать внебрачных детей? Не нужно так на меня смотреть, – продолжал Иннес, – я пошутил.

– Неудачная шутка.

– Извините.

– Знаете, на самом деле я не собираюсь идти на панель в Каугейте, – с вымученной улыбкой призналась Эйнзли.

Иннес накрыл ее руку своей:

– У вас действительно так много долгов?

– Если получу наследство и начну их раздавать, наследства не хватит, – ответила она.

– Хотелось бы мне чем-нибудь вам помочь, – сказал он, крепче сжимая ее руку.

– Вы мне уже помогли – тем, что выслушали. – Эйнзли приятно было его сочувствие. Она ни от кого не ждала ничего хорошего. Решила, что сочувствия она недостойна. – Как говорится, разделенная беда – уже полбеда и так далее... – Она улыбнулась.

– Положение не из лучших.

Вблизи он показался ей гораздо крупнее. Было что-то невероятно утешительное в его широких плечах, в том, как он взял ее за руку, как смотрел на нее – без жалости, но с пониманием. И глаза у него темно-синие... Еще ни у кого она не видела таких глаз.

Сообразив, что ее мысли снова потекли по совершенно нежелательному руслу, Эйнзли опустила голову.

– Если бы отец не поместил мои деньги в доверительное управление, сейчас их бы уже растратил мой муженек, и мне не на что было бы рассчитывать в старости. Несомненно, отец по-своему позаботился обо мне. Мое наследство, может, и отсрочило бы кончину мужа, но всего на несколько лет... А я, откровенно говоря, не вынесла бы еще нескольких лет замужества!

– Не скрою, был миг, когда мне показалось: вот-вот вы признаетесь, что сами убили его, – сказал Иннес.

Эйнзли рассмеялась:

– Возможно, я уже не та робкая серая мышка, на которой он женился, но не думаю, что за годы брака я превратилась в чудовище.

– По-моему, вы – настоящее чудо!

Изумленная, она вскинула голову. Ее поразила теплота в его голосе, и сердце у нее снова часто забило, когда он поднес ее руку к губам и поцеловал. Его порыв не был вызван простой вежливостью. Теплые губы не спешили отрываться от нее. Несколько бесконечно долгих мгновений он пристально смотрел ей в глаза, а потом сказал:

– Эйнзли Макбрейн, вы самая замечательная женщина на свете!

– Спасибо, я... Спасибо.

– Поверьте, мне очень хочется чем-нибудь вам помочь, но, насколько я понимаю, деньги вам лучше не предлагать.

– Меня так и подмывает их принять, но... вы и сами понимаете, что я не могу, так что тут больше нечего обсуждать. Кстати, мы гораздо больше говорим обо мне, чем о вас. Я так и не поняла, что случится с вашими землями, если вы не женитесь. Что представляет собой доверительное управление?

Ей самой понравился собственный тон. Дрожь не выдавала желания, которое пробудили в ней его губы; она надеялась, что жар, охвативший ее, не отражается на лице.

Что бы ни чувствовал Иннес Драммонд, а ей ужасно хотелось это знать, намек он понял.

– Управляющего назначает поверенный, Баллард, а прибыль, получаемая от управления, переводится в банк. Я не имею права потратить ни пенни, если не женюсь, – ответил он. – И даже если женюсь, есть еще одно условие. Я должен буду прожить в Струн-Бридж год.

– Денег так много?

Иннес покачал головой:

– Понятия не имею, ведь я не имею права даже мельком взглянуть на счета, но не деньги главное. У меня и своих много. Я понятия не имею, в каком состоянии находится имение. Возможно, оно процветает, а может, пришло в упадок.

– Значит, ссора между вами и вашим отцом...

– Больше похожа на полный разрыв. Он, повторяю, был человеком старомодным. Делай, как я сказал, или убирайся с глаз моих долой.

Иннес говорил беззаботно, но провести ее ему не удалось.

– Вы давно там не были?

– Почти четырнадцать лет. С тех пор как Малколм... с тех пор как я потерял брата. – Иннес вздрогнул, но быстро опомнился. – Вы спрашивали, почему меня так волнует трастовый фонд, если я почти всю взрослую жизнь провел вдали от родных краев, – сказал он.

– По-моему, вы испытали большее потрясение, чем вам кажется, – осторожно ответила Эйнзли.

– Да, может быть, вы и правы, – протянул он; его выговор выдавал уроженца высокогорья. – Я не знал, что отец болен, а сам он не успел ничего мне сообщить. Правда, по-моему, даже если бы он мог, он все равно ничего бы мне не сказал. Для меня гораздо лучше, что меня позвали выслушать его завещание, когда он уже лежал в могиле. Не сомневаюсь, он сейчас смотрит вниз – или, может быть, вверх – и хохочет, радуясь тому, в какой я попал переплет, – продолжал Иннес. – Он-то знает, как мне тяжело делать выбор. Положиться на другую особу, чтобы получить свое, или жить по-своему, на своих условиях. Будь он проклят! Я должен придумать, как обойти его завещание. Я не позволю ему указывать мне с того света!

Он ударил кулаком по столу; зазвенело стекло.

– Знаете, мне кажется, что ваше положение еще хуже моего.

– Ничего подобного, ведь мне хотя бы не приходится беспокоиться о хлебе насущном. Подумать только, ну и совпадение! – Иннес покачал головой. – Наши родители сурово нас наказали... Что же вы намерены делать?

– Сейчас мне уже все равно. – Эйнзли пренебрежительно отмахнулась. – А вот что вы намерены делать? Вам бы только найти женщину, которая не захочет становиться вашей женой на самом деле, и все ваши беды будут позади!

Она говорила беззаботно, больше для того, чтобы отвлечь его внимание от своего трагического положения, но Иннес, который поднес было бокал к губам, вдруг замер и нахмурился:

– Ну-ка, повторите!

– Что? Что вам нужно найти такую...

– Такую женщину, которая не захочет становиться моей женой на самом деле. – Губы его дрогнули в улыбке. – Которой нужна крыша над головой потому, что она не знает, на что и где она будет жить завтра. Женщина, которой, возможно, на самом деле нужно просто немного отдохнуть от ее теперешних неурядиц. Вы правы, именно это мне и нужно, и более того, я уже знаю такую женщину!

– Знаете? Неужели вы имеете в виду...

Его улыбка стала лукавой.

– Да, – ответил он. – Я имею в виду вас.

Эйнзли даже приоткрыла рот. Иннес рассмеялся.

– А ведь если подумать хорошенько, вот оно – идеальное решение! Более того, нас с вами можно назвать почти идеальной парой, ведь вы так же не желаете выходить замуж, как я – жениться.

– Вы пьяны? – ошеломленно спросила Эйнзли.

– Трезв как стеклышко.

– Тогда, наверное, я перебрала, потому что... неужели вы в самом деле делаете мне предложение? Если даже забыть о том, что мы с вами только что познакомились, по-моему, я выразилась вполне ясно: я никогда больше, никогда в жизни не пожертвую своей независимостью!

– А я вас и не прошу жертвовать своей независимостью. Более того, со мной вам даже легче будет сохранить свою независимость, потому что, если мы поженимся, я выплачу все долги вашего подонка-мужа, и тогда вы в самом деле станете свободны.

– Свободна? Да ведь я стану вашей женой!

– Только номинально.

– Я должна целое состояние. Я не могу принять от вас такую сумму только за то, что поставлю свою подпись на бумаге!

– Вам придется поехать со мной в Строун-Бридж. По завещанию отца я обязан прожить там год; жена нигде не упоминается. И все же вам придется ненадолго съездить туда вместе со мной.

– Как раз это для меня нетрудно; как вы верно подметили, я очень скоро стану бездомной и с радостью поменяю обстановку. Но... я не могу принять от вас в дар такую огромную сумму, дав так мало взамен.

– Что, если мы сочтем деньги... так сказать, гонораром? – спросил Иннес, хмурясь.

– За что?

– За профессиональные услуги, – ответил он. – Кроме того, вы будете получать ежегодную пенсию до сорокалетия. Если получите наследство, можете вернуть мне все, если захотите, хотя необходимости в этом нет.

Глаза у Эйнзли сделались как блюдца.

– Но я не профессионалка... Неужели вы имеете в виду... повторяю, насчет Каугейта я пошутила!

Иннес расхохотался:

– Нет, не то! Я имел в виду чисто деловые отношения. – Она смотрела на него с совершенно ошеломленным видом. Иннес расплылся в улыбке. – Чем больше я об этом думаю, тем больше мне кажется, что все замечательно складывается. Нет, погодите! – Увидев, что она привстала, он схватил ее за руку. – Клянусь, я не пьян и не сошел с ума. Слушайте!

Эйнзли села, скрестила руки на груди и смерила его скептическим взглядом.

– Даю вам пять минут.

Он кивнул:

– Считайте мое предложение сугубо деловым. Подумайте о том, сколько у нас с вами общего. Во-первых, вам не придется иметь дело с кредиторами: я достаточно богат и расплачусь без труда. Во-вторых, вы вдова, а мне нужна жена. Поскольку никого из нас брак не интересует, ни сейчас, ни когда бы то ни было...

– Как вы можете быть настолько уверены?

– А вы? – Он помолчал; увидев, что она не отвечает, удовлетворенно кивнул. – Вот видите? И здесь наши взгляды совпадают. И в другом тоже: мы оба решили идти в жизни своей дорогой. Если вы позволите мне выплатить ваши долги, я помогу вам обрести независимость. Вы же, выйдя за меня, тоже предоставите мне свободу, так как я смогу сам решить... как распорядиться моим наследством.

– Но ведь мы будем привязаны друг к другу!

– Эйнзли, только номинально. Нас свяжет клочок бумаги, всего лишь контракт.

– По контракту нужно платить. Какие профессиональные услуги вы собираетесь мне оплачивать?

– Объективный взгляд. Беспристрастное мнение. Мне нужно и то и другое, – Иннес поерзал на месте. – Правда, откровенно говоря, чужих советов я не люблю.

– Вы не любите, когда вам указывают, что делать?

– Вы что, издеваетесь?

– Да, видимо, вы ко многому не привыкли, – улыбнулась Эйнзли. – Я не издеваюсь, я вас дразню. Предупреждаю, я по натуре грубовата. Итак, в чем вам понадобится мое беспристрастное и объективное мнение, но не совет?

– Ну, раз вы спрашиваете, я отвечу! – Он невольно улыбнулся. – Повторяю, вам придется поехать со мной в Строун-Бридж. Не для того, чтобы принимать за меня решения, с вашей помощью я надеюсь убедиться, что принимаю их непредвзято.

– Неужели такое возможно? Иннес, имение ваше по праву рождения!

Он пылко покачал головой:

– В том-то и дело, что нет. Мне больно признаваться, но я не очень хорошо знаю Строун-Бридж и пока еще не знаю, как с ним поступить. Остаться ли там жить, выставить ли на торги, назначить ли управляющего... Я ничего не знаю и не буду знать, пока не попаду туда, и даже когда попаду...

– Значит, вот о какой плате идет речь? Вот какие профессиональные услуги я должна буду вам оказывать, чтобы вернуть себе свободу?

– По-вашему, цена слишком высока? – У Иннеса едва не испортилось настроение.

Эйнзли улыбнулась, потом рассмеялась:

– По-моему, мы договорились!

– Правда? Понимаете, Строун-Бридж... в общем, жизнь там совсем не такая, как в Эдинбурге.

– Как вы верно подметили, сменить обстановку после Эдинбурга, немного пожить в глуши и пересмотреть свою жизнь – именно то, что мне нужно.

– Я не прошу вас жить там со мной целый год. Несколько месяцев, пока я не разберусь, что к чему, вот и все. И хотя мы с вами будем... советовать, это не означает, что я непременно соглашусь с вашими советами, – предупредил Иннес.

– Я уже привыкла к тому, что к моим словам не прислушиваются. – Эйнзли внезапно помрачнела, но тут же улыбнулась. – Хотя... вы обещаете о чем-то меня спрашивать. По-моему, это уже шаг в нужном направлении. Надеюсь, мне хотя бы позволят высказать мою точку зрения!

Покосившись на графин с виски, объем в котором значительно уменьшился, Иннес задумался, не пьян ли он, в самом деле? Он только что сделал предложение женщине, которую совершенно не знает. Незнакомке, которая разжалобила его своей историей, восхитив отвагой и силой духа... И все же они познакомились всего пару часов назад. Впрочем, последнее показалось ему несущественным.

Его влекло к ней, влекло с первого взгляда, когда она вихрем вылетела из приемной адвоката, и дело было не только в сходстве их положения. Ему нравилось то, что он видел, и его восхищало то, что он слышал. А то, что он нашел ее еще и желанной, совершенно не имело значения. Внутренний голос подсказывал, что они неплохо поладят, а его внутренний голос никогда не ошибался.

– Значит, мы договорились? – спросил Иннес.

Эйнзли нахмурилась.

– Мы с вами совершенно друг друга не знаем, – заметила она, словно отвечая на его мысли. – Считаете, нам удастся изобразить счастливую супружескую пару и убедить ваших домочадцев, что наш брак заключен не по расчету?

– Не имею привычки обращать внимания на то, что думают другие.

– Не будьте дураком, Иннес! Вы станете их... помещиком, лэрдом. Конечно, им любопытно, какой вы и кто ваша жена.

Она, конечно, была права, но он вовсе не собирался в этом признаваться. Никакой он не лэрд. Лэрд умер, как и его наследник. Он, Иннес, из другого теста.

– Им придется принимать меня... нас... такими, какие мы есть, – ответил он. Эйнзли по-прежнему хмурилась. – Замок Строун-Бридж огромный. Если вам неприятно будет каждый день наткаться там на меня, можете не беспокоиться. Если мы пожелаем, можем не видеться неделями.

– Тогда мы вряд ли убедим тамошних жителей, что купаемся в семейном счастье.

– Владельцам Строун-Бридж такое понятие, как семейное счастье, неизвестно. Мои предки женились ради приобретения богатства и деторождения.

– Что кладет конец нашей дискуссии. – Эйнзли встала и направилась к выходу из кофейни.

Иннес бросил на стол деньги и последовал за ней. Он увлек ее в нишу у входа в отель.

– Я не потребую от вас ни первого, ни второго. Не хочу быть таким, как они, – с серьезным видом произнес он. – Неужели вы не понимаете, насколько все серьезно?

– Ваше предложение безумно.

Он слегка встряхнул ее руку, вынуждая поднять голову.

– Безумие – делать то, что вы делаете сейчас! Вы отворачиваетесь от идеального выхода из положения. Перестаньте думать о том, что может пойти не так, думайте о том, что наше решение все исправит. Свобода, Эйнзли! Вы только представьте!

Губы ее дрогнули; казалось, они вот-вот расплывутся в улыбке.

– Признаюсь, мысль о свободе меня очень привлекает.

– Значит, вы согласны?

Улыбка стала шире. В ее глазах снова заплясали веселые огоньки.

– Не сомневаюсь, есть сто причин, по которым мне следует убежать от вас куда глаза глядят, но...

– Но вы не убежите? – Он стоял так близко, что чувствовал идущий от нее приятный аромат мыла; а ее волосы пахли дождем. Она не сделала попытки отодвинуться, лишь смотрела ему в глаза, и ее улыбка манила его, искушала, бросала вызов. Его все сильнее влекло к ней. – Если уйдете, пожалеете, – предупредил Иннес.

– Знаете, мистер Иннес Драммонд, по-моему, вы правы, – тихо ответила Эйнзли.

Она дрогнула, когда он провел рукой по ее плечу, по руке, привлек ее к себе и прижался губами к ее губам. Поцелуй был нежным, но недолгим, и все же это был поцелуй. Очень серьезный поцелуй, который вполне мог перерасти в нечто большее. Их губы и языки встретились, лаская, маня, пробуя на вкус... Обоих охватил жар, но они поспешно отпрянули друг от друга, опасаясь, что все становится похожим на фарс.

Глядя на него широко раскрытыми глазами, Эйнзли поднесла руку к губам. Иннес подозревал, что у него вид такой же ошеломленный, как у нее.

– Мне очень жаль, – пробормотал он.

– Вам жаль?

– На самом деле нет, но клянусь, *это* в условия сделки не входит!

Она покосилась на него с таинственным видом и высвободилась из его объятий.

– Это стало просто результатом выпитого виски и пережитого волнения. *Это* похоже на... как будто открылся предохранительный клапан в паровозах, для которых вы сооружаете свои мосты и туннели, только и всего.

Неожиданно для себя он рассмеялся. В одном смысле она была права, а в другом – совершенно не права, но, как бы там ни было, рядом с ней ему вдруг стало легко и весело. Он словно глотнул свежего воздуха.

– Начинаю думать, что возвращение в Строун-Бридж станет источником постоянного смятения, – заметил Иннес. – Целоваться нам с вами все же придется, и не раз... Кстати, предлагаю перейти на «ты».

– Ты инженер, – с чопорным видом ответила Эйнзли, хотя глаза у нее сверкнули. – Предлагаю тебе придумать для себя другой способ выпускать пар!

– Эйнзли, какой приятный сюрприз! – Фелисити Блэр, редактор «Скоттиш ледиз компаньон», приветствовала подругу теплой улыбкой, жестом приглашая ее сесть в потертое кресло по другую сторону огромного стола, занимавшего почти весь ее крошечный кабинет. – А как раз читала последнее письмо мадам Геры. Не уверена, что можно опубликовать ее ответ, прежде всего потому, что он довольно длинный.

– Который? – спросила Эйнзли.

В ответ Фелисити вынула лист бумаги из стопки, которую, как вспомнила Эйнзли, она передала ей неделю назад, и начала читать:

«Дорогая Встревоженная!

Ваша зрелость по сравнению со средним возрастом невесты – кстати, я не считаю тридцать два года старостью – вовсе не избавляет вас от волнения, свойственного всем, кто находится в вашем положении. После того как все необходимое будет произнесено и сделано, вы пуститесь в плавание по неизведанным водам. Проще говоря, независимо от того, как бы хорошо вы, по-вашему, ни знали своего избранника, вам следует быть готовой к тому, что после свадьбы ваш супруг сильно изменится. Он получит желанный приз, и ему больше не нужно будет ухаживать за вами. Возможно, вас ждет безмятежное, спокойное плавание. Но может быть, оно окажется бурным. Мой вам совет, дорогая Встревоженная: пускаясь в путь, постарайтесь встать к штурвалу! Никого не шадите; пусть ваш муж поймет, что ему не удастся вести ваше семейное судно по-своему. То, что вы взяли его фамилию, не обязывает вас ни терпеть его недостатки, ни подчиняться его приказам. Не позволяйте ни нервам, ни девичьей скромности, ни вашей женской слабости вставать у вас на пути. С первых дней брака высказывайтесь откровенно и создайте прецедент, который, не сомневаюсь, пусть и не сразу, но вызовет уважение вашего мужа. Что же касается более интимных вопросов, которые вас заботят... Вы говорите, что ваш будущий муж выказал недостаток опыта, и вы волнуетесь, что, может быть... я снова прибегну к морской метафоре... что из-за его неопытности ваше семейное судно попадет в полосу полного штиля. Во-первых, настоятельно рекомендую набраться смелости и откровенно расспросить замужнюю подругу о том, что ждет вас в первую брачную ночь. Такой разговор избавит вас от потрясения. Во-вторых, так же настоятельно рекомендую не показывать мужу, что вы теоретически подготовились к первой брачной ночи. В-третьих, помните: если он в самом деле так невинен, как утверждает, он сейчас так же волнуется, как и вы. Но он мужчина, и потому немного лести, женских уловок и податливости обеспечат успех вашему плаванью.

Счастливого пути!

Мадам Гера».

Эйнзли неуверенно улыбнулась:

– Не спору, морская метафора довольно банальна, но, если бы я ею не воспользовалась, пришлось бы придумать что-нибудь такое же глупое, и ты отказалась бы печатать ответ мадам Геры, потому что он неприличен.

– Хорошо, что ты хотя бы не поддалась искушению и не сравнила первую брачную ночь с сухим доком, – съязвила Фелисити.

– Да, потому что мне такое сравнение и в голову не пришло, – смеясь, ответила Эйнзли. – Но шутки в сторону! Откровенно говоря, мадам Гере все труднее давать советы при помощи вежливых эвфемизмов. Ведь смысл нашей колонки в том и состоит, чтобы оказывать практическую помощь.

Фелисити отложила письмо.

– Я и сама думаю о том же. Ты знаешь, как мало места отводят колонке мадам Геры, а мы каждый месяц получаем столько писем, что впору заполнить ими весь журнал.

– Ты не довольна? Я-то очень рада. Это доказывает, что я была абсолютно права, нам нужна такая колонка, а ты была абсолютно права, когда воспользовалась случаем и разместила ее.

– Да, количество писем – подтверждение того, что мадам Гера дает нужные, долгожданные советы. Но, видишь ли, Эйнзли, трудность в том, что большинство их мы печатать не можем, потому что наши читательницы решат, что мы обсуждаем слишком уж пикантные темы. Даже с твоими морскими метафорами ответ Встревоженной довольно рискован. А кстати... – Фелисити подпернула нарукавники в чернильных пятнах, защищавшие ее блузу. – Рада, что ты зашла, потому что у меня появилась мысль, которую я хочу с тобой обсудить. Если помнишь, через месяц исполнится ровно два года с тех пор, как мы запустили колонку мадам Геры.

– Конечно, помню.

Колонка советов стала ее первым шагом от жалости к себе к чувству собственного достоинства. Эйнзли все живо помнила – волнение после того, как в голову ей пришла такая мысль, после одного особенно угнетающего вечера с мужем.

– Забавно, – сказала она Фелисити, – сначала мне больше всего нравилась тайна существования мадам Геры; я знала, что у меня есть что-то мое, о чем Джон понятия не имеет. Но сейчас я больше радуюсь тому, что советы мадам Геры дают надежду, помогают отчаявшимся женщинам, которые пишут письма в журнал. Хотя, конечно, никогда нельзя узнать, помогаю я им на самом деле или нет.

– Помогаешь, – решительно ответила Фелисити. – Ты и сама прекрасно знаешь, что помогаешь – хотя бы тем, что выслушиваешь их. Теперь, повторяю, гораздо больше людей просят совета мадам Геры, чем можно уместить в одну колонку, отчего у меня и появилась мысль. Служба личных сообщений!

– Что ты имеешь в виду?! – удивилась Эйнзли, гадая, не услышала ли ее подруга каким-то образом ее вчерашние слова о том, что придется зарабатывать себе на жизнь в Каугейте.

Фелисити громко расхохоталась:

– Ну и вид у тебя сейчас! Не бойся, я не имею в виду ничего аморального. Я имею в виду личную службу писем. Разумеется, не бесплатную. Мы предложим нашим подписчицам отвечать на их интимные вопросы лично. Гонорар, естественно, будем делить между тобой и журналом. В зависимости от того, на сколько писем ты сможешь ответить за месяц, твои заработки увеличатся по меньшей мере втрое. Ну, что скажешь?

– Я выхожу замуж, – выпалила Эйнзли.

Черные глаза Фелисити распахнулись так широко, что показались совершенно круглыми.

– Что-о-о?!

– Понимаю, ты удивлена, но это не то, что ты думаешь. Сейчас я тебе все объясню. – Эйнзли судорожно соображала, что сказать подруге.

Последние несколько дней она почти не спала, думая, не идиотка ли она. Она решила устроить своего рода проверку: если практичная, искренняя, радикальная Фелисити решит, что мысль неплохая...

Через полчаса и сотню вопросов Фелисити выпрямилась, рассеянно ища карандаш, который, как обычно, затерялся в ее густых волосах.

– Ты совершенно уверена, что у твоего мистера Драммонда нет никаких тайных мотивов?

– Как будто уверена. Он уже начал выплачивать долги Джона.

– По крайней мере, тебе больше не придется носить фамилию первого мужа! Кстати, он расплатится по закладной на дом на Вемисс-Плейс?

Эйнзли покачала головой:

– Иннес предлагал, но я отказалась. Пусть дом забирают кредиторы! С ним у меня связаны лишь печальные воспоминания. И потом, я ведь собираюсь все ему возместить после того, как получу наследство, а если придется платить еще и за дом, придется отдать почти все.

– Значит, ты собираешься выйти за горца. Станешь хозяйкой настоящего шотландского замка, – хихикнула Фелисити. – Интересно, как тебе там понравится? Ведь ты никогда еще не уезжала из Эдинбурга!

– Иннес попросил меня поехать туда с ним лишь на время, до тех пор, пока он не решит, как поступить с замком.

– Сколько же времени тебе придется там пробыть?

– Не знаю. Несколько недель или месяцев, не больше, хотя сам Иннес обязан прожить там год. Мне самой ужасно хочется сменить обстановку. Почувствовать себя полезной.

– По-моему, все слишком хорошо, чтобы быть правдой. К сожалению, я по опыту знаю: то, что слишком хорошо, чтобы быть правдой, почти всегда оказывается неправдой, – сухо заметила Фелисити.

– По-твоему, я совершаю ошибку?

– Не знаю. Мне кажется, что ты сошла с ума, но последние несколько лет тебе жилось очень тяжело, а сейчас ты оживлена – я давно уже не видела тебя такой. Может быть, тебе и полезно будет ненадолго уехать из Эдинбурга. – Фелисити наконец нашла карандаш, подцепив его вместе с прядью ярко-рыжих волос. – И какой он, этот твой горец? Ты уверена, что он не превратится в дикаря, который утащит тебя в свое логово и набросится на тебя, как только ты окажешься в его владениях?

– Не думаю, что он набросится на меня, – ответила Эйнзли, стараясь отогнать образ Иннеса в килте. Тот самый образ, который возник у нее в голове в день их знакомства. С палашом. И без бороды.

– Ты покраснела! – воскликнула Фелисити. – Как интересно! Эйнзли Макбрейн, по-моему, ты не станешь сопротивляться, если твой горец на тебя набросится!

– Перестань! Не знаю, что ты имеешь в виду, но...

Фелисити рассмеялась:

– Так я и думала! Кстати, меня кое-что беспокоило в связи с личными письмами мадам Геры, но твое замужество, по-моему, разрешит и эту проблему. Насколько я понимаю, вы с ним уже целовались? Не отрицай, тебя выдает твой виноватый взгляд. Тебе понравилось?

– Фелисити!

– Да или нет?

– Да, – рассмеялась Эйнзли. – Да, понравилось!

– Он хорошо целуется? Его поцелуй вселил в тебя уверенность, что твой мистер Драммонд знает, что делает? И тебе захотелось, чтобы он не только целовал тебя?

Эйнзли прижала ладони к пылающим щекам:

– Да. Если хочешь знать, да! Боже, что такое ты говоришь! Мы не... Наш брак не... Такие вещи не...

– Ты уедешь в глушь. Ты сама призналась, что вас влечет друг к другу. Прости мою бесцеремонность, все должно будет закончиться именно так. А когда все дойдет до своего логического конца – если, конечно, ты позаботишься о том, чтобы не было последствий, – почему бы и нет? – улыбнулась Фелисити. – Хочешь откровенно?

– Что, еще откровеннее, чем раньше?

– Эйнзли, судя по тому, что ты мне рассказала – точнее, не рассказала – о своем браке, с физической стороны твой покойный муж тебя не удовлетворял.

– Не собираюсь обсуждать эту тему!

– Понимаю и не собираюсь тебя заставлять, но ты, конечно, прекрасно понимаешь, что физическая любовь с подходящим мужчиной может быть удовольствием.

– Удовольствием? – Эйнзли покачала головой. В супружеской постели ей чаще всего бывало неловко, а часто – и откровенно стыдно.

– Да, удовольствием, – кивнула Фелисити, – и радостью. Любовь не должна быть неприятной обязанностью.

Эйнзли подумала, что в последнее время занятия любовью с мужем были для нее именно неприятной обязанностью. Покраснев, она отметила, что Фелисити угадала гораздо больше, чем она ей рассказала.

– Ты испытываешь удовольствие и радость в постели с твоим таинственным другом?

– В противном случае я не стала бы его любовницей.

Эйнзли хорошо знала подругу и потому заметила легкую натянутость в ответе; Фелисити выдали на мгновение сжавшиеся губы. Фелисити утверждала, что положение любовницы позволяет ей наслаждаться всеми преимуществами любви и не ограничивает ее свободу, но иногда Эйнзли в этом сомневалась. Она подозревала, что любовник Фелисити женат, но ей не хотелось причинять любимой подруге боль бестактными вопросами. У них обеих имелись свои неприятные тайны.

Эйнзли взяла со стола последнюю стопку писем и начала просматривать их. Фелисити нисколько не преувеличивала. По мере того как росла слава мадам Геры, в ее почте появлялись все более интимные вопросы, и на многие из них отвечать в журнале было затруднительно, разве что очень уклончиво, иносказательно... Она со вздохом положила письма на стол.

– Нет. Даже если бы Иннесу захотелось...

– Ты прекрасно понимаешь, что ему захочется, – сухо перебила ее Фелисити. – Он мужчина, а ты – привлекательная женщина, несмотря на то что Джон Макбрейн лишил тебя остатков самоуважения. Чем вам еще заниматься по ночам в этом богом забытом месте?

– И все равно, – не сдавалась Эйнзли, – с моей стороны будет совершенно неправильно использовать Иннеса только для того, чтобы приобрести опыт, который позволит мадам Гере с полным знанием дела просвещать своих подписчиц!

– Ты дашь советы, которые изменят к лучшему жизнь несчастных, измученных женщин. – Фелисити похлопала по стопке писем. – Разве не для того мы с тобой все затевали?

– Перестань. Тебе не удастся вызвать у меня чувство вины, чтобы я... Перестань, и все, Фелисити. Знаешь, иногда мне кажется, что как редактор ты в самом деле безжалостная, а не притворяешься такой.

– Поверь, мне часто приходится забывать о жалости, ведь и я тоже просто женщина. Но сейчас мы говорим о тебе, Эйнзли. Согласна, будет неправильно, если в постели ты будешь только лежать и думать о Шотландии ради мадам Геры и ее клиенток. Хотя надеюсь, что ты собираешься не просто лежать на спине и думать о Шотландии.

– Фелисити!

– Радость и удовольствие, дорогая моя, требуют соучастия. – Подруга снова лукаво улыбнулась. – Вот видишь, теперь ты заинтригована и можешь признаться, что поступаешь так не только ради мадам Геры, но и ради себя самой. Признайся, ведь тебя тянет к нему!

– Да. Нет. Повторяю, все не...

– Ну да, ни о чем таком вы не договаривались. Я уже слышала. По-моему, ты слишком бурно возражаешь!

– Но ты одобряешь мое решение? – встревоженно спросила Эйнзли.

Фелисити снова взяла карандаш и начала наматывать на него прядь волос.

– Я одобряю все, что сделает тебя счастливой. Когда свадьба?

– Первое оглашение в воскресенье. Свадьба сразу после последнего оглашения, через три недели. Ты придешь, Фелисити? Мне бы хотелось, чтобы ты была рядом.

– Обещай, что, если ты будешь несчастна в этом замке Строун-Бридж, ты вернешься сюда, пусть даже тебе покажется, что ты не выполнила взятые на себя обязательства.

– Обещаю.

Фелисити встала.

– Тогда я буду твоей подружкой, если хочешь. – Она протянула Эйнзли связку писем. – Начни с них. Я набросаю рекламу, мы разместим ее рядом с колонкой мадам Геры, и я pošлю тебе извещение об условиях, как только согласую их. Ты расскажешь горцу о своем альтер эго?

– Ни в коем случае! Разумеется, нет, особенно если я собираюсь... Он еще подумает...

Фелисити радостно расхохоталась:

– Вижу, я дала тебе пищу для размышлений! С нетерпением жду результатов... я имею в виду, писем мадам Геры. – Она крепко обняла Эйнзли. – Желаю тебе удачи. Напишешь мне из замка?

Эйнзли шмыгнула носом, поцеловала подругу в щеку.

– Тебе еще надоеет получать от меня весточки. – Она сунула письма в папку, набитую счетами, которые она должна была передать мистеру Балларду, адвокату Иннеса.

– И последнее, – окликнула ее Фелисити. – Спорим на пять фунтов, если твой горец узнает, что мадам Гера – это ты, он не разозлится и не обидится, а, наоборот, охотно поможет тебе отвечать на особенно сложные вопросы?

– Поскольку я позабочусь о том, чтобы он ничего не узнал, ты проиграешь. – Рассмеявшись, Эйнзли закрыла за собой дверь.

Глава 3

«Дорогая мадам Гера!

Вот уже три месяца я замужем; социальный статус моего мужа значительно выше моего. Я переехала из маленького дома всего с двумя слугами в огромный замок с дворцом и экономкой; по утрам я часто захожу в тупик, так как не могу запомнить, кого и о чем полагается просить. Муж предлагает обращаться за советами к его матери, но она, очевидно, считает, что он совершил мезальянс, женившись на мне, и мои просьбы о помощи расценит как лишнее подтверждение своим мыслям. Не сомневаюсь, экономка докладывает свекрови о каждой моей оплошности в домашних делах. На прошлой неделе, когда я совершила страшный грех, попросив вторую горничную принести мне чай, экономка выговаривала мне, как ребенку. Оказывается, подобные просьбы следовало передавать через лакея! Кроме того, мне не следует просить чай вне обычного времени, хотя я понятия не имею, какое время для чаепития она считает «обычным».

Я люблю мужа, но в новом доме все постоянно дают мне понять, что я выскочка, а я не смею ему пожаловаться, потому что боюсь, он начнет относиться ко мне так же, как его мать. Мне бы очень хотелось записаться в какое-то подобие школы для молодых жен... Пожалуйста, посоветуйте, что мне делать, потому что иногда мне кажется, что из экономки вышла бы лучшая жена для моего мужа, чем я. *Робкая Мышка*».

Аргайл, июль 1840 г.

На западном побережье Шотландии было холодно.

Несмотря на то что день выдался солнечным, в заливе у Рубодаха дувал сильный ветер. Иннеса пробирала дрожь; он поднял воротник своего толстого пальто. Он уже забыл, как здесь ветрено! А ведь на воде будет еще холоднее. Эйнзли сидела на шляпной картонке в нескольких шагах от него и читала письмо, кутаясь в дорожный плащ и время от времени любуясь красивыми видами. Последние недели дел у них было столько, что времени на общение не хватало. Они едва успевали обменяться парой слов. Несколько дней назад, когда они стояли у алтаря, Эйнзли показала Иннесу почти такой же незнакомкой, как в тот день, когда он сделал ей предложение. И вот вскоре они окажутся в Строун-Бридж и должны будут изображать счастливых молодоженов.

Постепенно в нем разрастался ужас, подобный тому, что он испытал в тот день, когда узнал о смерти отца. Его глубоко оскорбили и возмутили условия получения наследства. Когда же Эйнзли согласилась выйти за него замуж, он немного успокоился. Иннес почти забыл об этом, пока они занимались приготовлениями к свадьбе и давали брачные обеты. Но в карете из Эдинбурга в Глазго его настроение испортилось.

Ему стало еще хуже на пароходе «Ротсей касл», который доставил их на остров Бьют. Сегодня они переправились из Ротсея на северную оконечность острова, и ему вдруг стало совсем тошно. Его охватило странное, но невероятно сильное желание развернуться и убежать, не останавливаясь, как он он уже сделал четырнадцать лет назад.

Он – Иннес Драммонд, человек, который всего в жизни добился сам: нажил состояние и заработал имя в той области, которую называл своей. Он неплохо строит мосты. Он умеет решать сложные задачи, делая невозможное возможным. И все же, стоя на галечном берегу залива Рубодах, он чувствовал себя так, будто его достижения не имеют никакого значения.

Он – всего лишь второй, младший сын, выскочка, который не имел никакого права возвращаться в Строун-Бридж и притязать на владения отца. Он не сомневался: стоит им пере-

правиться на тот берег, как оживут воспоминания о брате, которые он так долго подавлял. В Строун-Бридж невозможно не чувствовать отсутствия Малколма, забыть о том, что он умер. Внутри у него все сжималось от чувства вины. Словно в душе его разрастался тяжелый, холодный ком. Он не имеет никакого права здесь находиться. Иннес боялся, что, когда приедет, обитатели Строун-Бридж сразу вычислят обман, и все его достижения окажутся бесполезными. Он – самозванец, узурпатор.

Иннес негромко, но злобно выругался на гэльском языке. Поздно сообразив это, он снова грубо выругался по-английски – так выражались его рабочие. Подняв горсть камешков, он принялся один за другим швырять их в воду; со смутным удовлетворением он отметил, что они падают все дальше.

– Впечатляюще!

Он не слышал, как она подошла. Давно ли она стоит здесь и наблюдает за ним?

– Лодка опаздывает. – Иннес нарочито медленно поднес ладонь козырьком ко лбу и, прищурившись, посмотрел на залив.

– Ты, наверное, нервничаешь, – заметила Эйнзли. – На твоём месте я бы точно боялась, если бы пришлось куда-то возвращаться после такого долгого отсутствия. Наверное, сейчас ты гадаешь, сильно ли там все изменилось.

Она говорила легко, почти равнодушно и старательно избегала его взгляда, но его ей провести не удалось. Иннес сразу понял, что Эйнзли очень проницательна. Она умеет угадывать мысли по выражению лица.

– Ничего там не изменилось и вряд ли изменится, – мрачно и веско ответил Иннес. – Отец гордился тем, что поддерживает традиции, которым не одна сотня лет. Вот погоди, тебе покажется, будто ты перенеслась в восемнадцатый век.

Эйнзли удивленно подняла брови. Иннес мельком глянул на нее. Она нахмурилась, о чем-то задумалась. Неожиданно ему захотелось знать, о чем она думает, хотя он подозревал, что ему ее мысли не понравятся.

– Ну давай... выкладывай!

– Ерунда. Просто... мне кажется, что ты обеими ногами стоишь в нашем, девятнадцатом веке.

– Хочешь сказать, тебя не удивляет, что я уехал из такой глухомани?

– Возможно, глухомани как раз нужен такой человек, как ты. – Эйнзли отбросила со лба растрепанные волосы. – Нет, я хотела сказать другое. Меня несколько не удивляет, что вы с отцом не ладили.

Она подала ему руку, затянутую в перчатку. Радуюсь прикосновению, он сжал ее пальцы. Эйнзли Драммонд, его жена. Пусть она и незнакомка, он радовался тому, что она рядом. Когда она вот так улыбается, глядя на него снизу вверх, тошнотворный страх немного отступает.

– По-моему, вон наша лодка. – Она показала рукой.

Так оно и оказалось. Иннес сразу увидел за штурвалом Йоуна. Сделав над собой усилие, он постарался подавить мрачное настроение.

– Ну как, готова? – Он положил руку на плечи Эйнзли и привлек ее к себе.

– Говоришь так, словно нас ждет виселица... Надеюсь, тебя не шокируют мои слова!

Иннес натужно улыбнулся и отрывисто ответил:

– Скорее, меня ждет Судный день. Как бы там ни было, мне придется несладко.

Эйнзли смотрела на приближающуюся лодку, и ее била дрожь. До сих пор она забывалась в вихре дел, а потом ее захватило волнение путешественницы. Она впервые в жизни плыла на колесном пароходе, в первый раз оказалась на западном побережье и вот сейчас переправится через залив в лодке. Очень скоро она окажется в Строун-Бридж с человеком, который стал ее мужем. Неужели у нее на пальце в самом деле золотое обручальное кольцо? Ей до сих пор не

верилось, что она замужем. Отныне она – миссис Драммонд, жена владельца Строун-Бридж, незнакомца, который стоит рядом. Его мрачное настроение передалось и ей.

Иннесу не хочется возвращаться в родные места, хотя он старательно это скрывает. Его мучат тайны? Или все дело в том, что он оставил прошлое позади и не хочет снова с ним встречаться? Это она вполне могла понять. Отчасти поэтому и сама она рада была уехать из Эдинбурга. Может быть, все дело в обиде, что вполне понятно, ведь, в отличие от нее, Иннес отказался от образа жизни, который он любил.

Пока он переносил их багаж к кромке воды, Эйнзли наблюдала за ним, любясь его плавными движениями, размашистой походкой, силой – он легко поднимал даже самые тяжелые саквояжи. Она вспомнила, как Фелисити шутила о том, что он превратится в дикого горца. Интересно, когда они приедут в Строун-Бридж, он наденет килт? А что, фигура у него вполне подходящая... Красивые ноги... Кровь прилила к низу живота; у нее закружилась голова.

– Фескар ма. – Судно ударилось о крошечную пристань, и Эйнзли невольно вздрогнула и вскинула голову. – Добрый день, миссис Драммонд, – повторил незнакомец по-английски с мягким, напевным выговором, не сочетавшимся с сухим кивком, которым он ее наградил.

– А, добрый день! – ответила Эйнзли.

– Это Йоун Фергюсон, – представил его Иннес, – мой старый друг. Йоун, познакомься с моей женой.

– К сожалению, я не говорю на гэльском, – обратилась Эйнзли к моряку.

– По-гэльски, – поправил он. – У нас говорят не «на гэльском», а «по-гэльски».

– Ничего страшного, в Строун-Бридж почти все говорят на английском, – успокоил ее Иннес, мрачно глядя на человека, которого он отрекомендовал другом, хотя Эйнзли не заметила между ними особенной теплоты.

– Ни разу не была на Северном нагорье, – с лучезарной улыбкой объявила она.

– Строун-Бридж ненамного севернее Глазго – если по прямой, конечно, – ответил Йоун. – Если вы думаете, что мы бродим по горам в пледах и килтах и размахиваем палашами, вы будете разочарованы. Так вы садитесь или нет?

– Ах да. Конечно! – Эйнзли покраснела, задетая тем, что новый знакомый догадался о ее мыслях.

Йоун не подал ей руки. Заметив, что Инне с еще больше нахмурился, Эйнзли повернулась к нему и еле заметно покачала головой. Потом неуклюже забралась в лодку, слишком высоко задрав юбку. Йоун бесстрастно наблюдал за ней, но кивнул, когда она уселась на узкую скамью на носу и поспешно ухватилась за саквояж. Она старалась не показывать ни обиды, ни унижения, напоминая себе, что она здесь чужая, «англичашка», жительница равнин, которая не говорит на гэльском... то есть по-гэльски и понятия не имеет о здешних обычаях и традициях. Иннес, плотно сжав губы, запрыгнул в лодку. Пока Йоун поднимал парус, Иннес ловко отвязал канат.

Эйнзли любовалась слаженной работой Йоуна и Иннеса. Вот они отчалили. Плавность их движений не сочеталась с заметным напряжением, которое чувствовалось между ними. Неловкость возникла, когда Иннес взялся за румпель.

– Сейчас отлив, а я знаю здешние течения, – сказал Йоун, кладя руку на полированный рычаг.

– Я знаю здешние течения не хуже тебя.

– Знал. – Йоун не скрывал враждебности; его глаза были такими же синими, как у Иннеса. – С тех пор много лет прошло.

Иннес сжимал и разжимал кулаки.

– Можешь не напоминать!

Порыв ветра унес прочь ответ Йоуна. Когда Иннес заговорил снова, от его тихого, но угрожающего тона волосы на затылке у Эйнзли встали дыбом. Говорил он по-гэльски. Йоун

опустил голову и готов был отступить, но Иннес покачал головой и подсел к Эйнзли. Развернувшись в другую сторону, он смотрел на белую пену в кильватере. Лицо у него стало совершенно непроницаемым.

Ветер, подгонявший их, дул ей в лицо, выбивая волосы из-под шляпки и заставляя глаза слезиться. Сегодня Иннес не надел шляпы – он поступил умно, потому что шляпу наверняка сдуло бы в море. Хотя одет он был, как всегда, консервативно: брюки и сюртук темно-синие, рубашка белоснежная; рядом с Йоуном в грубых твидовых штанах и тяжелом рыбацком свитере Иннес выглядел настоящим щеголем. Эйнзли поняла: Йоун заметил, что она их сравнивает, и поджал губы, но она не могла решить, из-за чего – из презрения или зависти.

Суденышко скользило вперед, прыгая на волнах. Эйнзли вдруг остро осознала, что всего лишь несколько просмоленных досок отделяют ее от ледяной воды пролива. От брызг губы стали солеными. Шумно хлопал парус. Ее замутило. Подняв голову, она заметила холодную улыбку на лице Йоуна. Нос лодки поднялся над водой и тут же нырнул вниз. Эйнзли показало, что Йоун нарочно делает их поездку невыносимой.

– Вы городская. Значит, к морю не привыкли! – крикнул он.

Эйнзли обеими руками вцепилась в деревянное сиденье, решив ни за что не расставаться с содержимым своего желудка. Она пожалела, что ела на завтрак яичницу, и тут же запретила себе даже думать об этом.

– Как вы догадались? – крикнула она в ответ.

– Хозяин написал Мари Макинтош, экономке.

Иннес круто развернулся к нему:

– Писать тебе не было никакого смысла.

К удивлению Эйнзли, Йоун вдруг густо покраснел и отвернулся. Иннес не стал продолжать и снова уставился на море. Мужчинам пришлось бороться не только с отливом, но и с сильным течением, и все же они справились.

Наконец подошли к старому, полуразвалившемуся причалу, далеко отходившему от берега. Поскольку был отлив, им пришлось стать у самого конца. Иннес ловко накинул канат на тумбу и закрепил узлом. И только когда он поставил ногу на первую ступеньку лестницы, Йоун заговорил, положив руку ему на плечо, отчего Иннес вздрогнул:

– Ты увидишь, что здесь многое изменилось.

– Если ты еще раз скажешь, что прошло четырнадцать лет... – процедил Иннес сквозь зубы.

– Не в том дело. – Йоун убрал руку с его плеча и уныло вздохнул. – Мари написала, что поселит вас на ферме? А большой дом... ну, скоро сам увидишь. Крикни Ангусу; вон он, уже ждет вас с двуколкой. А я доставлю багаж.

Иннес быстро взобрался по ветхим ступенькам и обернулся, чтобы помочь Эйнзли. Она с ужасом оценивала довольно большое расстояние между лодкой и причалом. Она пыталась скрыть страх, но подозревала, что ей это плохо удастся. С раскрасневшимся лицом и растрепанными волосами она была очень хорошенькой. Иннес решил: наверное, сейчас она думает, какого черта она здесь забыла. К тому же враждебность между ним и Йоуном была почти осязательной. Он снова выругался себе под нос. Что бы ни творилось в голове у Йоуна, Иннесу хватит времени, чтобы во всем разобраться. А сейчас нужно вытащить бедняжку Эйнзли, возможно, его единственную союзницу, из лодки, прежде чем она упадет в воду.

– Поставь одну ногу на нижнюю ступеньку и дай мне руку, – велел он, наклоняясь к ней.

– Я не умею плавать. – Она с сомнением оглядывала нижние скользкие, покрытые илом и водорослями ступеньки металлической лестницы.

Иннес опустился на колени и нагнулся к ней:

– Зато я умею. Если ты упадешь, обещаю, нырну за тобой.

– И понесешь меня на руках, а с меня будет течь вода и свисать водоросли.

– Как с русалки.

Эйнзли улыбнулась:

– Нет, скорее, как с морского чудовища. Не такого величественного приезда ожидают от лэрда и его жены! Хорошо, что у нас нет зрителей.

– Я сказал Мари... это экономка... что не нужно официально приветствовать нас до тех пор, пока мы не устроимся. Правда, странно, что она меня послушала, – заметил Иннес, озираясь по сторонам.

Если не считать Ангуса, который неторопливо ковылял по причалу, в поле зрения не было видно ни души. Йоун знает, что новый хозяин терпеть не может пышные церемонии, к которым питал пристрастие его отец. Иннес оглянулся, чтобы поблагодарить его, но Йоун деловито сматывал канаты.

Пожав плечами, Иннес протянул Эйнзли руку, быстро вытащил ее на причал, поддерживая, чтобы она не упала.

– Добро пожаловать в Строун-Бридж! – Она едва заметно улыбнулась, прижимаясь к нему, ноги у нее подкашивались.

– Извини... у меня ноги сделались ватными.

– Сам не знаю, что ты здесь забыла, но почти уверен, что все еще хуже, чем ты могла себе представить. Учти, если тебе захочется вернуться в Эдинбург, я все пойму.

– Твои домочадцы ожидают, что ты приедешь с женой. Хорошенькое впечатление она произведет, если струсит до того, как вышла на причал – или, точнее, судя по его состоянию, проломит его! И потом, мы с тобой договорились, и я собираюсь соблюдать условия договора. – Эйнзли склонила голову и с улыбкой прищурилась: – У тебя от страха настроение испортилось?

– Рядом с тобой – наоборот, поднялось. – Он вовсе не хотел двусмысленностей; поняв, что сказал, он оторопел. Но брать свои слова назад было уже поздно. Он грубо притянул ее к себе и поцеловал, забыв, что дал зарок ничего подобного не делать. Ее губы были холодными и солеными на вкус.

От грохота чемоданов, которые Йоун выкидывал на причал, совершенно не думая об их содержимом, они опомнились и отпрянули друг от друга. Эйнзли покраснела.

– Жаль, что у нас так мало зрителей... по-моему, зрелище было вполне убедительным.

Иннес рассмеялся:

– Не стану притворяться, будто я только играл на публику. По правде говоря, у тебя такие губы, что их так и хочется поцеловать, и я мечтал поцеловать тебя с нашей первой встречи несколько недель назад. Погоди, не перебивай... мое желание не имеет ничего общего с предохранительным клапаном, просто мне очень понравилось, хотя я прекрасно понимаю, что о таком мы с тобой не договаривались.

– По-моему, такое не вредно будет время от времени повторять... на публике, – ответила Эйнзли с озорной улыбкой.

– Значит, ты будешь целовать меня только на публике? Знаю, есть мужчины, которые любят такие игры, но я предпочитаю заниматься любовью наедине.

– Иннес! Я уверена, что нам с тобой удастся убедить жителей Строун-Бридж в том, что мы муж и жена, не прибегая к... к публичной демонстрации супружеских отношений.

Он громко расхохотался:

– Надеюсь, что так! А то слишком выходит похоже на встречу иностранных министров.

– Правда? В самом деле? – Они медленно шли по причалу к берегу.

– Правда, – ответил Иннес. – Скажи... Как ты относишься к понятию «супружеский долг»?

– Мне сразу представляется какая-то неприятная медицинская процедура. В словах «супружеский долг» слышится что-то натянутое и неискреннее; за ними ничего не стоит.

Наверное, понятие «долга» внушают бедным девушкам их матери накануне свадьбы. В результате бедняжкам кажется, что их приносят в жертву на алтарь семейной жизни...

– Но что бы кто ни вообразал, можешь быть уверена, невесты не ждут первой брачной ночи с нетерпением.

– Совершенно с тобой согласна. По-моему, отвратительно, что у нас принято считать: невинность и невежество должны идти рука об руку. Иногда мне кажется, что в обществе существует заговор, по которому юных девиц нарочно держат в неведении. Иначе они ни за что не соглашались бы вступить в брак...

Ее светло-карие глаза снова сверкнули, но она больше не дразнила его. Иннес с удивлением покосился на нее. Ему показалось, что вид у нее сделался довольно воинственный.

– Ты судишь по своему опыту?

– Моя мать умерла, когда мне исполнилось двенадцать, а других близких родственников, которые могли бы просветить меня перед свадьбой, у меня не было. Первая брачная ночь стала для меня... потрясением.

Ему захотелось пожалеть ее, но она оцетинилась, как дикобраз, поэтому он сказал:

– Наверное, нужно издать своего рода путеводитель. Введение в семейную жизнь или что-нибудь в таком роде.

Он шутил, но Эйнзли его слова, видимо, задела.

– Превосходная мысль!

– Хотя, если в обществе действительно существует заговор, как ты говоришь, матери наверняка запретят дочерям читать такую книжку.

– Скорее уж отцы.

Да, она определенно настроена воинственно. Иннес не сумел удержаться:

– Да, если подобное пособие будет продаваться в магазинах, где чаще появляются мужчины, а не женщины, идея обречена на поражение с самого начала!

– Твои слова доказывают, как мало тебе известно! – Губы Эйнзли расплылись в довольной улыбке. – Магазины – не единственный источник подобных сведений!

Ветер унес белые облака; небо стало низким, свинцовым. Ветер усиливался с отливом; на воде появились белые барашки, которые постепенно становились того же цвета, что и небо. Пока они разговаривали, их багаж погрузили в двуколку, где их терпеливо ждал Ангус. Йоуна нигде не было видно.

Иннес вынужден был сменить тему разговора, которая его неожиданно увлекла.

– Хоть Йоун и говорит, что здесь многое переменялось, – заметил он, – погода осталась такой же, как всегда. Пойдем скорее в дом, пока ты не простудилась.

Эйнзли проснулась и села, озираясь по сторонам. Обстановка в обитой деревом комнате оказалась довольно спартанской. Похоже, мебель сюда стаскивали второпях и какую попало. Кроме того, судя по всему, камин здесь не топили уже довольно давно. Дрожа, она откинула одеяло и ступила на голые половицы. Холод пробирал до самых костей, хотя на дворе был июль. Эйнзли поспешно умылась. С помощью горничной нетуго зашнуровала корсет и собрала волосы в простой пучок, а затем надела шерстяное платье из своего сундука. Широкие кремовые и бирюзовые полосы на платье сочетались с цветом летнего неба, совсем не похожего на то, что она видела в окно. Она радовалась, что у ее платья длинные, хотя и узкие, рукава. Сужающийся книзу корсаж сидел плотно; в таком платье она сразу согрелась. Свой туалет она дополнила шерстяными чулками и ботинками. Хотела было набросить пелерину, но раздумала, решив, что ей нужно закаляться.

В коридоре без окон было темно. Вечерело; кроме того, лил проливной дождь. Он начался еще накануне; из-за ливня Эйнзли не удалось как следует рассмотреть свое новое

жилище. Не успели они перекусить с дороги, как на нее навалилась усталость. Вскоре Эйнзли встала из-за стола и ушла к себе.

«Начни все так, как хочешь продолжить». Бормоча, как заклинание, совет мадам Геры, она, спотыкаясь, побрела к двери, за которой они вчера ужинали. Ее подбадривал слабый запах кофе.

При свете дня столовая выглядела гораздо веселее, а камин, который вчера вечером лишь дымил, сегодня ярко пылал.

– Доброе утро! – сказала она.

Иннес сидел за столом и мрачно смотрел в пустую тарелку, но, когда она вошла, встал. Заметив у него на подбородке несколько порезов, Эйнзли подумала: он наверняка брился, используя такую же холодную воду, какой умывалась она. Может быть, он просто не любит рано вставать. Эйнзли остановилась на пороге.

– Остаешься или уходишь? – поинтересовался Иннес, и она встряхнулась.

– Остаюсь. – Она села напротив него.

– Я не знал, что ты будешь – чай или кофе, поэтому велел Мари принести и то и другое.

– Кофе, спасибо.

Он сел и налил ей кофе в чашку.

– Есть крауди и овсяные лепешки, но, может быть, ты хочешь копченой рыбы, ветчины или каши?

– Нет, спасибо, только... что такое крауди?

– Сыр.

– Спасибо. – Она взяла лепешки и домашний сыр. – Выглядит аппетитно.

Иннес налил себе чаю.

– Ты уже позавтракал? – спросила она, морщась и глядя на его пустую тарелку. Она вдруг подумала, что они ведут беспредметную светскую беседу, словно в какой-нибудь эдинбургской гостиной.

– Да, – ответил Иннес.

Эйнзли с хрустом откусила кусок лепешки и отпила кофе, ей показалось, что она слишком шумно втянула в себя жидкость. Просто смешно!

– Иннес, может быть, хочешь?..

– Эйнзли, может быть, хочешь?..

Он замолчал. Она замолчала. Потом он рассмеялся:

– Не привык завтракать не один. Не знаю, ты хочешь, чтобы тебя оставили в покое или... что?

– Сама не знаю. Я не больше привыкла к компании за завтраком, чем ты. Понимаю, что веду себя глупо, но ничего не могу с собой поделать.

– Может, мне лучше уйти?

– Нет. Если тебе тоже... – Она замолчала и рассмеялась. – Нет, ради всего святого, оставайся. Я хочу поговорить, но только давай не будем вести светских бесед ни о чем.

Иннес расплылся в улыбке:

– Обещаю, что никогда не буду вести с тобой светских бесед ни о чем, хотя мне все-таки хочется выяснить, хорошо ли тебе спалось на новом месте. Прошу тебя, ответь правду. Мне не нужна вежливая салонная ложь.

Эйнзли усмехнулась:

– В светских салонах не принято обсуждать дамские спальни.

– Это смотря какой салон, – улыбнулся Иннес. – Тогда позволь спросить по-другому: тебе удалось хоть немного поспать или ты замерзла до смерти?

– Я поспала, но признаюсь, оделась я очень быстро.

– Мне очень жаль. Под конец жизни отец приказал запереть почти все комнаты в замке, а сам жил в двух или трех комнатах. Здесь довольно тепло и сухо, просто в ферме при усадьбе довольно давно никто не жил, а Мари узнала о нашем приезде в последнюю минуту. Можно сказать, она отвела тебе лучшую спальню из худших...

– Она извинилась за то, что моя спальня в нескольких комнатах от твоей, – заметила Эйнзли, краснея. – У меня сложилось впечатление, что ее беспокоило расстояние, которое отделяет нас друг от друга. Наверное, она боялась, что тебе слишком тяжело будет добираться... Не скрою, меня не порадовала мысль о том, что моего мужа способно отвлечь такое препятствие, как несколько комнат.

– Если бы я знал, что ты с радостью ждешь меня в своей спальне и готова на все, меня бы не удержал и пояс целомудрия. – Иннес расплылся в улыбке.

– Жаль, что я не могу раздобыть такую вещь, иначе мне бы непременно захотелось испытать тебя!

– А ты не зарекайся, в здешней оружейной чего только нет, – ответил Иннес. – Пояса целомудрия и развлечения в спальне... кто бы мог подумать, что разговор за завтраком может стать таким интересным?

Эйнзли поперхнулась кофе.

– О развлечениях в спальне заговорила не я!

– Зато ты первая сказала, что не хочешь вести светских бесед ни о чем.

– Иннес Драммонд, тебе следовало стать юристом! Ты умеешь исказить любой довод лучше, чем адвокаты, с которыми я имела дело!

Он театрально вздохнул:

– Что ж, давай сменим тему, хотя ты сама виновата, знаешь ли.

Эйнзли смерила его настороженным взглядом:

– Я совершенно уверена, что мне не следует спрашивать, что ты имеешь в виду.

– Тогда не спрашивай.

Эйнзли отпила кофе. Иннес с чопорным видом поджал губы. Она снова сделала глоток, стараясь не рассмеяться, но наконец со звоном поставила чашку на блюдце.

– Нет, ради всего святого, ты победил! Объясни, что ты имеешь в виду!

– Нет, знаешь ли, когда я смотрю на твои губы, я не могу думать ни о чем, кроме поцелуев!

– Только поцелуев?

– Нет, не только. – Иннес наклонился вперед и взял ее за руку. – Поцелуи разные бывают.

Он ее дразнил. Или флиртовал? Она сама не знала.

Эйнзли не считала, что относится к тем представительницам слабого пола, с которыми мужчины флиртуют. Он просто хочет ее развлечь или возбуждает? Возможно ли сочетание первого и второго? Эйнзли понятия не имела. Ясно одно: он над ней не смеялся. Иннес смотрел на нее с участием; и что-то в его заманчивых голубых глазах заставило ее затрепетать.

– Какая разница? – спросила она, понимая, что спрашивать не следовало, уверенная в том, что ступила на скользкий путь.

Иннес поднес ее руку к губам, легко коснулся кожи.

– Вот это, – сказал он, – просто поцелуй. – Он перевернул ее руку ладонью вверх и тихо продолжал: – А это – уже нет.

Его губы были теплыми. Когда он лизнул кончиком языка подушечку ее большого пальца, она затрепетала. Когда он взял ее палец в рот, она судорожно вздохнула.

– Вот видишь. – У него сел голос. – Когда целуешь не просто так, возникает только одна трудность.

Она точно знала, что он имеет в виду, потому что и сама чувствовала то же самое.

– Еще? – предположила Эйнзли, полагая, что таков ответ, хотя из ее уст это прозвучало как просьба.

– Еще. – Иннес воспринял ее ответ как просьбу, отодвинул стул, нагнулся и выполнил ее. Он не собирался целовать ее, но не мог устоять, и она тоже. Когда она разомкнула губы и с тихим вздохом обвила его шею руками, его дразнящий поцелуй превратился в нечто иное. Она ответила ему. Кончик ее языка очутился у него во рту, сердце у него бешено забилося, ему пришлось напрячь все силы, чтобы держать себя в руках.

Иннес провел ладонью по ее груди и нащупал под материей косточки корсета. На пол с громким лязгом упал нож. Они оба вздрогнули.

Он радовался, что их разделяет стол, так как уже пришел в полную боевую готовность. Эйнзли раскраснелась, губы стали мягкими, глаза потемнели от поцелуев. Ему страстно захотелось подхватить ее на руки и отнести в спальню. Что с ним не так? Сдерживаться все труднее. Он медленно опустился на стул и с удивлением подумал, что его неудержимо влечет к этой женщине с самой первой их встречи. Надо было сразу догадаться, что ему придется нелегко!

– Мари может в любой момент войти, – прошептала Эйнзли.

– Ты поэтому меня поцеловала? – спросил Иннес, проводя рукой по волосам.

Она взяла ложку и стала водить ею по узору на скатерти.

– На самом деле ты первый поцеловал меня, хотя не отрицаю, я тебе ответила. – Она взмахнула ресницами. – Сама не знаю почему, но мне вдруг захотелось этого, как не хотелось уже давно... И, должна признаться, это чувство я испытываю с тех пор, как встретила тебя... ну вот.

– Не могу передать, насколько мне стало легче, потому что со мной творится то же самое. – Иннес отпил холодного кофе и поморщился. – Знаешь, я не люблю строго придерживаться правил. Может быть, меня одолевает искушение именно потому, что в нашем договоре такого не предусмотрено?

– Ты имеешь в виду, что хочешь целовать меня, потому что это против правил?

– Нет-нет, я хочу целовать тебя, потому что твои губы так и напрашиваются на поцелуй. Но, может быть, мне особенно трудно не целовать тебя, потому что мне отлично известно: такого уговора не было, хотя мы и женаты. – Иннес покачал головой и вскочил на ноги. – Сам не знаю. Может быть, в самом деле стоит порыться в оружейной и поискать там пояс целомудрия.

– А может, не будем так сильно волноваться? Давай все обсудим, – предложила Эйнзли. – Мы с тобой взрослые люди. Мы оба не хотим слишком сильно привязываться друг к другу, но нет ничего плохого в том, что мы... немного развлечемся.

– Развлечемся? Ты говоришь так, как будто мы собираемся принять слабительное доктора Раша!

– Не сомневаюсь, то, о чем я говорю, не менее полезно.

Иннес не выдержал и расхохотался:

– Иногда ты говоришь самые поразительные вещи. Впервые слышу, чтобы занятия любовью называли «полезными».

– По-твоему, я употребила неточный термин? – Эйнзли нахмурилась; видимо, она была не на шутку озадачена. Неожиданно Иннес вспомнил, что так же она вела себя вчера, когда заговорила о... как же она выразилась? «Супружеском долге».

– По-моему, лучше всего нам сейчас подумать о чем-нибудь совершенно другом, – заметил Иннес. – Завтрак прошел великолепно, но время уходит. Прежде всего, давай обойдем замок. Предупреждаю заранее, он больше похож на большую лачугу, а холодно в нем, как на леднике.

Эйнзли встала.

– Пойду возьму шаль!

Дверь за ней закрылась. Иннес посмотрел в окно, хотя почти весь вид заслоняла разросшаяся живая изгородь. Похоже, ее не подстригали уже очень много лет. Все, что он успел увидеть в Строун-Бридж, от причала до конюшни, пришло в запустение. Йоун недаром предупре-

ждал его: здесь многое переменялось. Судя по состоянию замка и парка, и прилегающие земли не в лучшем положении... Он вздохнул. Что же случилось? Хотя его отца многие считали старомодным и даже во многом архаичным, он никогда не был нерадивым хозяином. Иннес злился и одновременно внушал себе, что права злиться у него нет. Здесь владения Малколма. Будь Малколм жив, он бы пришел в ужас. Хотя, будь Малколм жив, его, Иннеса, здесь бы не было. Малколм никуда бы не уехал и не допустил бы, чтобы Строун-Бридж пришел в такое запустение, а Иннес...

Он выругался. Так можно рассуждать часами. Он вовсе не хотел совершать экскурсию по замку. Дело даже не в том, что он боялся увидеть, что внутри замка все сгнило и обвалилось, его больше страшила встреча с прошлым, с его прошлым. Ему не хотелось, чтобы кто-то видел, как он смотрит в глаза – точнее, не находит в себе сил посмотреть в глаза – своему прошлому, тем более Эйнзли... Она оказалась весьма пронизательной. Прошло четырнадцать лет. Достаточно долгий срок, чтобы он мог хотя бы притвориться безучастным. И все же он чувствовал себя как на иголках. Как объяснить все это ей?

Замок – всего лишь здание. Нагромождение камней и дерева; его эстетическая ценность сомнительна. Нет такого закона, по которому он должен жить в нем. Даже если он решит остаться в Строун-Бридж больше чем на год, что весьма маловероятно... Нет, жить он будет на ферме при усадьбе. Никто не убедит его играть роль местного помещика, лэрда, и жить в замке. Он не поселится там даже на несколько недель.

Иннес так углубился в свои мысли, что не заметил, как вернулась Эйнзли. Он вздрогнул, когда она окликнула его.

– Отлично! – деловито произнес Иннес. – Давай поскорее покончим с делом.

Глава 4

Солнце слабо светило с бледно-голубого неба, испещренного пухлыми облаками – как на детском рисунке. Идя следом за Иннесом по узкой тропке, мощенной сырими каменными плитами, Эйнзли поняла, что на ферме при усадьбе так мрачно в основном из-за того, что ее окружала высокая живая изгородь, которую давно не подстригали. Пройдя сильно разросшуюся арку, она впервые увидела замок Строун-Бридж.

Они стояли на краю длинной подъездной аллеи. По обе стороны ее раньше, видимо, находился газон, хотя сейчас все больше напоминало остатки сенокосного луга, поросшего жухлой травой, сквозь которую пробивалась молодая поросль. Замок мрачно нависал над ними. Эйнзли удивилась. Как она могла вчера не заметить такое массивное сооружение? Правда, серая каменная кладка почти сливалась с небом...

Эйнзли отступила на шаг, чтобы получше рассмотреть замок.

– Ты видишь его с тыла, – объяснил Иннес. – Аллея ответвляется от главной сухопутной дороги, она проходит через весь полуостров и огибает озеро Лох-Файн, хотя называть это дорогой... В наших краях гораздо проще путешествовать по воде.

– Разве вчера мы не так приехали?

Иннес покачал головой:

– Фасад замка выходит на берег. Мы подъехали туда. Сейчас мы пойдем к парадному входу, и я все тебе покажу, но мне хотелось, чтобы ты вначале оценила размер этого безобразия.

Размеры Строун-Бридж в самом деле впечатляли; хотя красивым его нельзя было назвать. Впрочем, Эйнзли он не показался и «безобразием». Внушительное сооружение с большими башнями по углам и еще одной башенкой, торчащей из середины главного здания, напоминало место действия какого-нибудь готического романа.

Стрельчатые башенки придавали замку неожиданно восточный вид, дополненный высокими шпилями и окнами-бойницами. Толщина стен и неровная кладка плохо сочетались с более изящной центральной частью замка, которую Эйнзли отнесла бы к эпохе короля Якова I, с четырьмя ярусами высоких окон во французском стиле, низкой палладианской крышей с каменной балюстрадой и высоким портиком, который, судя по всему, пристроили в последнюю очередь. И хотя замок в целом нельзя было назвать красивым, зрелище было впечатляющим.

– Похоже, – заметила Эйнзли, приложив руку козырьком ко лбу, – здесь нагромодили три или четыре разных дома или брали за образцы альбом архитектурных стилей нескольких столетий.

– Ты почти угадала, – кивнул Иннес. – Центральную часть построили в самом начале восемнадцатого века. Лет через пятьдесят – шестьдесят переделали крышу и возвели центральную башню, а угловые башни возвели по указанию моего отца. Полный сумбур и безобразие!

– А я имела в виду совершенно другое. Ничего подобного я в жизни не видела.

– Да уж, другого такого замка ты не найдешь. Что правда, то правда, – мрачно согласился Иннес.

– Ты его не любишь? – спросила Эйнзли.

– Кстати, с замком связано несколько любопытных историй, – уклончиво ответил Иннес. – Кое-кто считает, что здесь даже привидения водятся. – Он взял ее за руку, и они зашагали по неухоженной лужайке, обходя замок. Иннес с любопытством покосился на свою спутницу. – Ты веришь в привидения?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.